

Российская академия наук
Институт всеобщей истории
Научно-исследовательское учреждение – Высшая школа экономики

Аполлон Давидсон

*... ИЖЕ ИМЕНУЕТСЯ
АФРИКА*

ВЕСТИ ИЗ РУССКОЙ СТАРИНЫ

PRINCIPIUM

Москва, 2016

УДК 916:910.4
ББК 26.8 + 63.5
Д 13

Исследование проведено при поддержке РГНФ № 15-01-00032
«Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки»

Давидсон, Аполлон Борисович
Д 13 ...Иже именуется Аф Взгляд из русской старины / А. Б. Давидсон. —
М.: Принципиум, 2016, 567 с.
ISBN 978-5-9065571-5-5

Книга о том, как на Руси искали пути в южную половину Шара Земного, а особенно о том, что знали и как узнавали о дальней стране — мысе Доброй Надежды и соседних землях.

По рукописным космографиям, по географиям Петра Великого, по шанечным журналам, по записям самих плователей из Кронштадта и Ревеля, из Камчатки и Русской Америки. И через людей торговых и иных бывальцев там, беглецов да крамольников. И от тех, кто мечтал повидать неведомые края, побывал там и оставил глубокий след в их жизни.

УДК 916:910.4
ББК 26.8 + 63.5

ISBN 9785906557155

© Давидсон А.Б., 2015
© Оформление ООО «Принципиум», 2016
Изображение на обложке — Из географии Гибнера

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТОЛЕТИЕ ОСЬМНАДЦАТОЕ

«А ГЛАВА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ ЛЕЖИТЬ ВЕСМА ВЪ НИЗУ» 15

Первое южноафриканское слово	22
В ранних географиях	24
На первых картах	30

«С ПОМОЩЬЮ БОЖИЕЮ ВСТУПИТЬ ВЪ ВОЯЖЪ» 39

Петр выведal крепкий секрет	43
Что знали о будущем пути	53
Сборы	57
Жертвы скрытности и маскировки	63
Фрегаты снимаются с якорей	71
Могли быть первыми	82
Участь флагмана	86
«Владетелю славного острова наше поздравление».	89
Что они нашли бы на Мадагаскаре	91
В флибустьерском дальнем синем море	95

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ КОРАБЛЬ В ЮЖНЫХ МОРЯХ 100

Дело о происшедшем в Камчатке от сосланных злодеев бунте	101
Бунтовщики Большерецкого острога	102
Самой Екатерине брошен вызов	108
Беглецы завладели кораблем	112
«Святой Петр» плывет к неведомым краям	115
Переполюх в Японии летом 1771 года	119
Злосчастия камчатцев под южным солнцем	124

РОССИЯНЕ ВПЕРВЫЕ ПЕРЕСЕКЛИ ЭКВАТОР 127

Огибая Африку, смотрели всё на север	131
Хочешь домой — отправляйся в Сибирь	135
На мадагаскарском берегу	140

«Король Мадагаскара»	143
Такой азартной прищлец!	149
«Святой Петр» идет в путь снова и снова	152
Много за морем милостей, да вдвое лихостей	158
У памятных мест	165

ИЗ ОКОН ЗИМНЕГО ОКЕАНЫ ЕЩЕ НЕ ВИДНЫ 170

Век Просвещения	177
«Волунтеры» британского флота	186
«Идти на Камчатку»	193
Экипаж	198
Приготовления	201
«Повелеваем отменить»	207

МУЗЫКАНТ И КРОНШТАДСКИЙ МОРЯК В КЕЙПТАУНЕ 215

Нежданная встреча	216
Бурборственный путешественник	218
В Капстаде (еще не Кейптауне) — год 1798-й	225
Концерты русского виолончелиста	231
Капштадтский дневник кронштадтского моряка	237
«Сии люди достойные почтения в простоте и невежестве своем»	243
По географиям, картам и книгам о путешествиях	246
Прочие сочинения и повременная печать	253
Первая книга о Южной Африке	263

СТОЛЕТИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

ГЛАЗАМИ СВОИХ МОРЯКОВ 281

Тринадцать месяцев в Симанской губе	287
Первое отечественное повествование	294
Каким был Кап двести лет назад	302
Стоянка уже привычная	311
Василий Головнин снова в Кейптаун	319
«Знаете ли вы хорошенько, что такое Капская колония?»	322
«Где свет лиет созвездие Креста»	323
Об Африканских людях	334
Спустя сто лет Гончаров вновь в Африке	344

ОГЛАВЛЕНИЕ

НА ВОЛНЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ 347

Зачин	350
«Морской сборник».	354
Пером и карандашом.	360
Заметки «Между делом»	376
Капские россияне.	389
Конец литературных экспедиций.	394

«ЗАГАДОЧНЫЙ МИР ЕЕ НАЧИНАЕТ ДЕЛАТЬСЯ ДОСТУПНЫМ ДЛЯ НАС» 399

Книги о зулусах в одесской библиотеке	401
В новых географиях	403
В большой литературе	413

КОНЕЦ ДЕВЯТНАДЦАТОГО, НАЧАЛО ДВАДЦАТОГО

НОВАЯ РОЛЬ ЮЖНОЙ АФРИКИ 437

В Трансвааль — за опытом.	440
Дипломатические отношения с Трансваалем	444
Иммиграция из России	448
Россия и первая война Двадцатого века	461
«Трансвааль, страна моя».	475

О ПУТЯХ СОЗДАНИЯ ВЗАИМНЫХ ОБРАЗОВ 487

Сын Александра II в Кейптауне.	489
Отголоски битв зулусов и буров против британцев.	491
Африканский вождь просит русского царя	497
Зулус — герой казахского эпоса.	499
«Изменяю мой взгляд на Россию».	501
«Смелая мысль»	503

ДОРОГОЙ ДАВНЕЮ — И К НАМ 523

СВЕДЕНИЯ СОБРАНЫ ИЗ ЭТИХ ДАВНИХ ДОКУМЕНТОВ И КНИГ 531

Как россияне мечтали о дальних плаваниях и готовились к ним, со времен Петра I? Как освоили путь вокруг Африки? Что рассказывали бывальцы: моряки кораблей, плывших из Кронштадта и Ревеля на Камчатку и в Русскую Америку, торговые люди, беглецы и крамольники?

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

*Памяти Валентина Александровича
Макрушина*

Давняя истина: если хочешь понять человека, погляди, как сложились у него отношения с другими людьми. Точно также — если хочешь лучше понять страну, надо знать историю ее отношений с другими странами. Почему и как у нее возникал интерес к другим? И в чем он выразился? Не случайно сейчас и у нас и по всему миру выходит все больше и больше книг о том, как Европа узнавала Америку и Восток, или как Япония открывала для себя Европу... Такие книги нужны. Ведь теперь планета становится обозримой: страны будто придвинулись друг к другу, зависят друг от друга куда больше, чем раньше. Хочешь не хочешь — надо понимать друг друга. Избавляться от вековых предубеждений и небылиц, что есть в южной стороне султан Махнут Турецкий да султан Махнут Персический.

... Меня, вслед за многими нашими прадедами, с детства и юности влекла не только наша далекая старина, но и ее связь с дальними от нас краями Земли. Какое нагромождение загадок!

С чего началось? В конце 1940-х Ленинград, где я жил, еще не отошел от страшных блокадных лет. А вокруг буйствуют кампании «борьбы против космополитизма», против «низкопоклонства перед Западом»... Аресты, ссылки, увольнения... И бесконечные позорные собрания, где интеллигентных людей принуждали в чем-то каяться или, еще отвратительней, клеветать друг на друга. Вовлекали во все это и нас, студентов, — чтобы мы были свидетелями, а то и участниками.

Что было делать мне? Писать свои студенческие работы на, как говорили тогда, жгуче актуальные темы? Тут уже неизбежно окажешься в круговороте этого безумия.

И я зарылся в старинные книги, документы, разглядывал стародавние лубочные карты. Теперь-то многое можно найти в интернете — тогда интернета не было. Но если б и был — может он передать ощущение, запах, аромат давних рукописей, карт, книг!

А язык тех документов, рассказов о путешествиях! Слова, словосочетания, фразы тех времен — так и хочется ввести их в свою речь.

Далекие, далекие времена... Как при свете электричества разглядеть тех людей, кто жили при лучине — когда и керосиновая-то лампа давным-давно забыта? Как понять наших прапрадедов, хоть чуть-чуть? Сколько о них говорено и писано! И всё же то и дело слышишь: Россия — страна с непредсказуемым прошлым.

Что ж, ведь даже свое личное прошлое порой не помнишь — минувшие годы скрыты напластованиями позднейших переживаний. Как уж судить о далекой старине! Вспомнишь слова великого Гёте:

Не трогайте далекой старины.
Нам не сломить ее семи печатей.
А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий,
Который эти господа некстати
За истинную древность выдают.

И всё же, сказав так саркастично о непознаваемости старины, Гёте ведь, как все мы, вновь и вновь обращался к ней, хотел проникать в ее тайны.

... Мне хотелось хоть немного понять — как же у нас в давние времена представляли себе дальние земли, и как эти представления менялись. Всмотреться хотя бы в одну из далеких стран, понять, как ее облик медленно, веками возникал в сознании людей нашей страны. Как ее очертания вставали из смутных далей с началом русских кругосветных плаваний, а до того — с мечтами об этих плаваниях и с рассказами людей, которых лихая судьба забросила за тридевять земель.

Какой край выбрать? С детства любил Николая Гумилева, запряженного тогда строго-настрога. Его путешествия, его стихи. Заразился его увлечением Африкой. Его — «С нетерпением жду Африки!».

Захотелось взглядеться, с чего же начиналось знакомство нашей страны с «Черной Африкой». А началось оно с ее дальнего края, с мыса Доброй Надежды. С ним связано начало

кругосветных плаваний русского флота. Взгляды русских моряков, купцов и политиков — еще задолго до начала этих плаваний.

Почему было такое внимание?

В XVIII веке было трудно попасть из одного конца России в другой — на Камчатку, в «землицу Чукоцкую», на острова «моря северо-восточного» или в Русскую Америку. Грузы из Петербурга везли к берегам Тихого океана на телегах и на санях. Беринг на лошадях проехал восемь тысяч верст сухопутьем, чтобы встать на капитанский мостик.

Как тут не мечтать о водном пути — вокруг Африки!

А важнейшая стоянка на том пути — на стыке двух океанов, у мыса, который первые португальские мореплаватели в ужасе назвали мысом Бурь, но потом суеверный страх вынудил их окрестить его мысом Доброй Надежды. Чьи только шкиперы ни крестились, когда удавалось дойти и передохнуть в «морской таверне», в «городе на мысе». Голландцы называли его Капстадом, англичане — Кейптауном, русские Капштадтом, на немецкий манер. Или попросту Капом.

Русские корабли пошли этим путем в начале позапрошлого века и долгое время, вплоть до открытия Суэцкого канала, у мыса Доброй Надежды проходила постоянная связь запада России с ее востоком.

... В студенческие годы я только начал. Потом — еще немало лет. Ни в какие официальные планы и отчеты в студенческие годы, да и потом, я эту тему не вносил, никакому начальству не докладывал. Историк, говорилось тогда, — «боец идеологического фронта». А тут — ни борьбы, ни разоблачения «идеологических противников», врагов, внешних и внутренних. Так что для меня эта тема была не для отчетов, не для того, чтобы рапортовать кому-то. А просто для души.

Постепенно, без спешки, как-то между делом собирал свидетельства о путешествиях.

Разыскивал старинные книги, по которым когда-то лепились бытующие представления. Особенно — географии. Ведь долгое время считалось, что изучение далеких земель — монополия географов.

Там находишь и на удивление ясные оценки. А порой, и такие, что трудно удержаться от улыбки. «...Вся Африка наполнена слонами, львами, барсами, верблюдами, обезьянами, змиями,

драконами, страусами, казуриями и многими другими лютыми и редкими зверьями, которые не токмо проезжим, но и жителям самим наскучили». Да еще «великие жары и суши». «Ежели вообще о всей Африке рассуждать, то она таких как Европа или Азия не имеет преимуществ. Хотя оные золотом, серебром, драгоценными камнями или другими дорогими вещами ее и не превосходят, однако она такие имеет неспособности, что жители по большей части сокровищ своих так употреблять не могут, как то чинится в других землях».

Такой видел Африку архивариус Академии наук Иван Стафенгаген. «Географию» 1753 года ему «сочинить изволил приказать ясновельможный Гетман и Академии Наук господин президент его сиятельство граф Кирила Григорьевич Разумовский».

В его книге язык поры Трелиаковского и Сумарокова. В более ранних — петровских и допетровских времен. Непосредственность, простота выражений, старые слова, изменившие ныне свой прежний смысл. Сколько было с тех пор реформ, преобразований в языке! Иной текст трудно понять. Что уж говорить о самих географических названиях! Бывало трудно установить, о каких местах, да и о каких событиях, именах идет речь. Названия ведь менялись, и не раз. В разных документах — разные, даже когда относятся к одному и тому же времени.

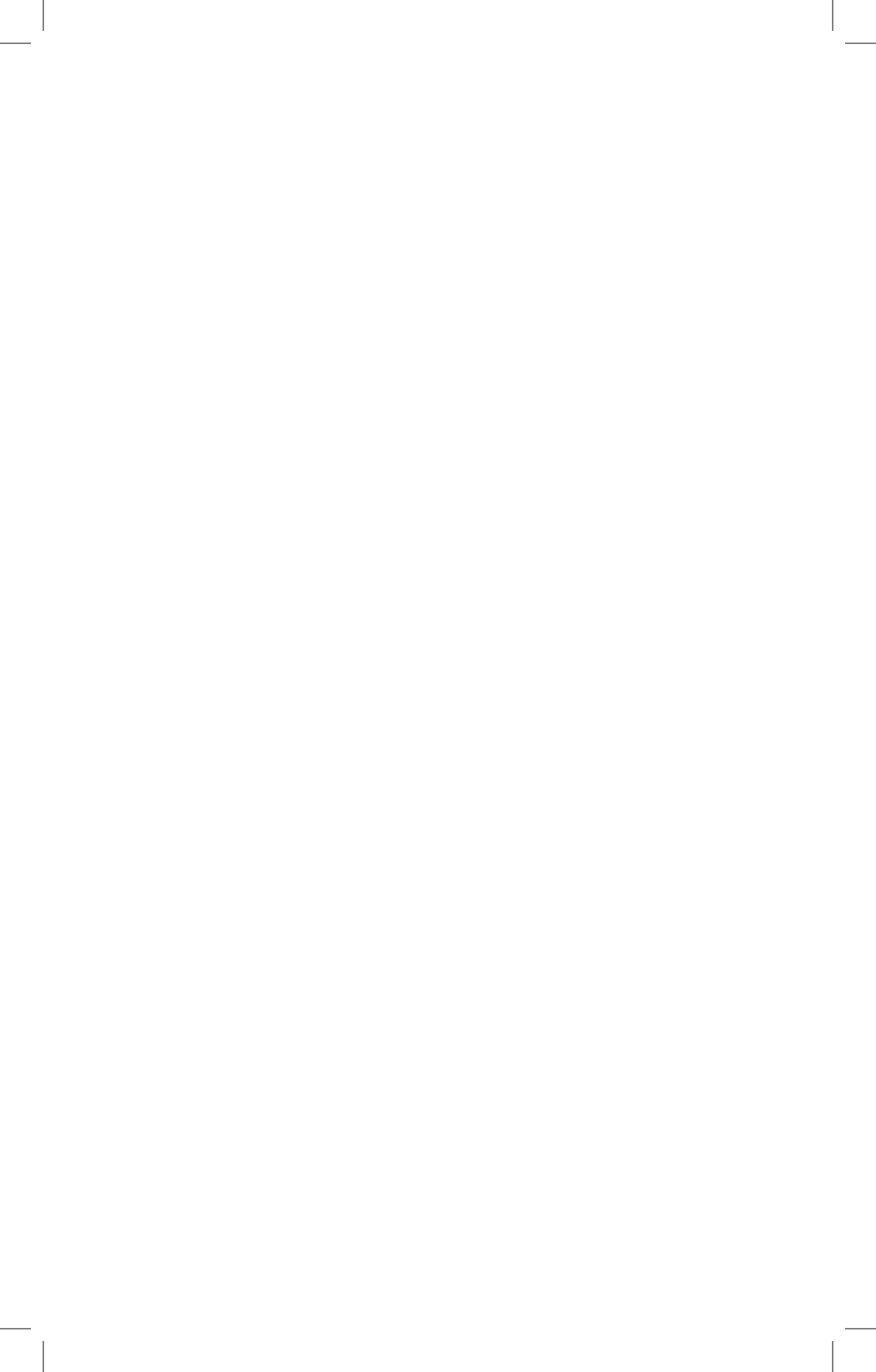
Сравнивал, сопоставлял, расшифровывал. Но как их давать в книге? В каждом случае — бесконечные примечания, объяснения? На многих страницах будет по полстраницы. Не отпугнет ли это читателей? Я ведь хотел писать не для узкого круга специалистов. И решил: давать пояснения только там, где читателю догадаться уж совсем трудно. В большинстве случаев — из контекста понятно.

Что казалось мне самым важным? Разглядеть, кто же в нашей стране — и почему — увлекался знаниями о дальних странах. Как вымыслы, фантазии сменялись свидетельствами очевидцев. И как эти свидетельства, накапливаясь и постепенно создавая цельный образ, служили удовлетворению любознательности, а затем и практическим целям, организации далеких океанских плаваний.

В этой книге я в меру сил старался собрать русские сведения о Юге Африки с самых ранних, с XVII столетия, до начала Двадцатого.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Книгу эту посвящаю памяти Валентина Александровича Макрушина (1902–1987) — брата моей мамы, моему любимому дяде Вале. По профессии он был редактором. Никогда не занимался Африкой, но, уже пенсионером, помогал мне собирать материал, щедро дарил мне свои мудрые советы, был моим соавтором в первоначальном варианте этой книги — «Облик далекой страны».

СТОЛЕТИЕ ОСЬМНАДЦАТОЕ

О замысле Петра и о Мадагаскаре,
с коим связан был тот замысел, о тяжком плавании
по трем океанам бунтарей Камчатки, исполнивших, не ведая того,
проект петровский, и о том, как в царствование Екатерины
снаряжались корабли за Капо де Бона Сперанца

*Снилось ты нам с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и в пеньи полдневных валов,
Южное море.*

В. Брюсов

«А ГЛАВА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ ЛЕЖИТЬ ВЕСМА ВЪ НИЗУ»

С каких пор «Черная Африка», пусть с самого краешка, стала проникать в мир российских представлений?

В допетровские времена редко кто слышивал об этих полуденных землях. Ведь и ближние побережья Африки казались тогда такими далекими — где-то за Черным, еще чужим морем, за теплым Средиземным, за святыми библейскими местами. А того дальнего конца громадного материка не достигнуть и перелетным птицам. Конец всех земель, конец божьему свету. За ним пучины, водоверти морские и острова чудовищ.

Картина мира в сознании россиян вряд ли была сходна с западноевропейской, хотя о многих заморских краях узнавали на Руси от европейцев.

Там, на Западе, школяров и студиязов тоже долго не учили географии — до начала XVII столетия. Но ее приходилось знать многим морякам, купцам, миссионерам, военным. Португальские мореплаватели, а за ними мощные Ост-Индские компании, голландская и британская, освоили океанский путь вокруг Африки, к сказочно богатому Востоку. С середины XVII столетия голландская компания основала «Колонию мыса Доброй Надежды» — Капскую колонию.

Карт, глобусов, географий появлялось все больше с каждым десятилетием.

Цветист и наряден двухметровый глобус Алексея Михайловича, «тишайшего царя». Старый, с вмятинами на потускневших боках, стоит он в Историческом музее на Красной площади. Выцветшие краски, затертые рисунки. Мелкие надписи разобрать трудно. Но всё же явно выступает своеобразие художественной картографии XVII века.

И можно представить, как ярки были краски и рельефен абрис континентов в отроческих глазах Петра. Весь цветущий Божий мир был здесь, все земли и океаны. Сияли многоцветные флаги на кораблях, плыли раскрашенные трехмачтовые суда. Далекie в океане, они показаны анфас, с носа и чуть меньше размером.

Ближние, поворачиваясь бортами, огибают неровные, зубчатые линии побережий.

Наклонясь к Южному полюсу, царевич Петр мог видеть Caput de Bonae Speransa (мыс Доброй Надежды), близ которого пасутся коровы. Чуть выше на северо-восток: Мотара (Мономотапа). Рядом Caffaria (Страна кафров). На восточном побережье Южной Африки — Costa de Caffres (Кафрский берег). И дальше к северу: Mosambique (Мозамбик), там изображены слоны с поднятыми хоботами. И, конечно, корабли.

Рядом отскочивший от Африки большой кусок — Мадагаскар. Горы изображены положенными на землю бугорками, треугольниками. За ними деревья — наши, европейские — изображают тропический лес. И снова корабли. Плывут в Индию, в Тихий океан, к китайцам. Сколь же богата земля морями!

Выцветшие корабли в морях и условные знаки на суше едва видны на глобусе. Но в отделе картографии музея есть оригинал карты Африки В. Блеу того же времени. Там все изображенное на глобусе сохранило цвет и четкость рисунка. А тот медный глобус изготовлен учениками В. Блеу в 1650 году и подарен нидерландским посольством Алексею Михайловичу.

Долго держали Русь взаперти от океанов громадные пространства суши, непроходимые леса, болота, многомесячная ледовая броня на реках, которые если и впадали в Черное море, то устья их были под властью турок.

Знакомство с заморскими странами и тогда, в XVII столетии, начиналось в частной школе. Такие школы были даже в волостных селах. Казенных школ было мало. К знатным, богатым людям учителя приходили на дом.

Снег, бездорожье. Волки стаями. Дорога до ближайшего поселения опасна зимой. Вечером при лучине готовили уроки. В избе пахло костром. Зажигали сальные лампы-светильники. Все равно темно. У стола собирались дети и взрослые. Азбуковники дороги. Это были и книги для чтения, не буквари, а энциклопедии по истории, географии, естествознанию и толкованию слов, с грамматическими правилами.

Из предисловия к азбуковнику XVII века: «Ова от сих Африка, ова же Азия, и ина Европа... Африка же теплоты ради великия прозвася, предел же размеру ее сказуется Средним морем

и Аглинским, и Ефиопским, и рекою Нилом; в той же части Африки... и Египет, и Ефиопиа, и Пустыня великая».

Как велико было число людей, которые знали, учили это?

«Вообще грамотные крестьяне в XV–XVII веках не могли быть исключительным явлением, их процент в XVII веке едва ли был ниже 15»¹. Это подтвердил и академик Д.С. Лихачев: «По подсчетам подписей на документах полагают, что в начале XVI в. процент грамотных... среди посадских достигал 25–40»².

А петровские реформы, как это ни парадоксально на первый взгляд, нарушали равенство обучающихся в школе. Грамотность посадских и крестьян снизилась с введением правительственных училищ и новой программы. По мнению А.И. Соболевского, частных школ стало меньше «потому, что стала уменьшаться их доходность (наиболее богатые ученики перестали поступать в них), так и потому, что правительство с угрозами начало требовать от учителей, чтобы они обучали по новым, едва ли нравившимся им учебникам».

О числе грамотных можно судить и по множеству сохранившихся «отписок» — донесений о странствовании мелких служивых людей, и «скасок» [списков] воинов, попавших в чужие страны, плененных крымскими татарами, турками, хивинцами, поляками и вернувшихся в отчизну. От XVI–XVII столетий в наших архивах и библиотеках сохранилось множество рукописей и документов. «Число их так велико, несмотря на пожары и разные невзгоды, постигшие наши города и села, что мы затрудняемся даже приблизительно определить их число в тысячах. Над ними должны были трудиться целые тысячи писцов и подьячих», — писал А.И. Соболевский³.

Чтение было единственным окном в тот мир в тридцатом царстве, куда сколько ни скачи по бесконечным просторам Руси, не доскачешь. И это в эпоху великих европейских географических открытий, ломки средневековых представлений о жизни на Земле! И сегодня есть неграмотные в подлунном мире, но они хоть слушают радио, смотрят телевизор.

1 Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV–XVII веков. — Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, 1894. — С. 4, 12.

2 Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV-начало XVI в.). — М.: Госполитиздат, 1946. — С. 47.

3 Соболевский А.И. Цит. соч. — С. 25, 18, 12, 26, 4.

В XVIII в. отечественное землеведение начинает смыкаться со всеобщей наукой о Земле.

Самым ранним был перевод в 1637 году труда фламандца Герарда Меркатора «Книга, глаголемая Космография, сиречь всего света описание». Это творческий перевод обширных пояснений к общегеографическому Атласу Меркатора, изданному в Германии в 1590–1606 годах. Переводчик — Богдан Лыков с товарищем Иваном Дорном.

Космография — описание Вселенной. Там говорилось обо всем известном тогда мире. Название «Космос», утверждал Меркатор, дано было Вселенной еще Пифагором. Сказано и о том, что Земля есть шар: «Свет убо сей аки зерно округло: ни начала, ни конца не имеет». Исходное начало в космографиях — повествование книги Бытия о разделении Земли между сынами Ноя: Симом, Хамом и Иафетом. Поэтому части света в космографии определяются не собственно географически, а этнографически, по племенам и по языкам. К Африке отнесены Кипр, Крит и все страны, подвластные Османской империи.

Самые типичные русские списки: «Книга, глаголемая Космография, сиречь описание всего света земель и государств великих». В просторечии — «Космография 1670 года», или «Космография в 76 глав» (хотя в разных списках разное число глав). Это свод, энциклопедия тогдашней географии, связное изложение наиболее важных сведений из византийских, польских и западноевропейских источников.

Каждый список был, в сущности, новым изданием, дополненным, измененным в какой-то мере. В рукопись вносились сведения по указанию заказчика или по желанию самого переписчика или менялось освещение уже изложенного в оригинале. Цензура государства, цензура церкви не могли охватить все рукописные издания.

«Космография в 76 глав» была первым рукописным учебником для учеников Славяно-греко-латинской академии. Географические сведения в ней время от времени дополнялись. Эту космографию читали даже при Петре. Она была уже иллюстрирована. Легко ли представить, как принимали книгочеи сведения о других материках, о карте мира? Как претворяли в своем воображении короткие, отрывочные сообщения космографии?

В списке космографии, именуемом «Космография 1670 года», труд Меркатора дополнен и известиями об открытии Австралии. Первообраз этого списка — «Космография в 76 глав» составлена не раньше 1655 года, судя по историческим событиям, изложенным в ней. Список, который я читал, закончен 4 января 1670 года в Холмогорах. В нем 258 страниц. Принадлежал он дьяку Двинского воеводства Алмазу Ивановичу Чистому. В 1678 году Чистой сослан из Архангельска в Тобольск. Там служил над началом воеводы Михайла Приклонского, который в 1681 году был отлучен от церкви за «гордость, неистовое житие, блудодения...».

Когда Чистой читал в Космографии о чудовищах и василисках, он, верно, принимал их за аллегорические фигуры, служба у такого василиска. А «дивы разнобываемые» он на себе испытал в ссылке.

Не было у читателей на рубеже XVIII века обширных ассоциаций из других литературных, научных источников, которые поясняли бы непонятное в книге. В ту пору вера в необычайное, в чудеса, пожалуй, больше всего помогала увязать новые представления с привычными. Вера в чудеса допускала сопоставление несовместимых понятий. Давала широту восприятия, большую вольность в допусках невероятного. Мало было научного подступа к явлениям природы и жизни. Неведомого на планете еще много. Несοοобразности космографии дорисовывались ходившей из уст в уста молвой — от паломников, чужеземцев, иноверцев. Между строк видели больше, чем рассказано, — природу, чудных зверей, птиц не нашего неба и смутные силуэты чужеземцев.

Вот что сказано об Африке в «Космографии 1670 года».

«О третьей части земли, жребия Хамова, иже именуется Африка». Дальше читатель дознавался, какие же это восемнадцать стран и земель в той Африке.

«Страна вторая Ефиопия полуденная, и пространна, и велика. Цари разные, мало ж благочестивых христиан, нравы и веры разных вер. Под тою же землею и муринская земля».

«Царство магдайское, стоит на едином острове на мори полуденном... Вера ж у них, служат солнцу и огню, прилежат звездочтению и волхованию... Бе же остров человекаядцы нарицаемые на Фарсийском море. Человеческую и всяких зверей и скот

плоти вкушают и кровь пьют. Диви ж и злонравны...»⁴. Это, верно, о Мадагаскаре.

Рукописные переводы географических обзоров все больше пополнялись новыми материалами. Вводились математические расчеты, служба кораблевождения. Такими трудами были «Позорище всей Вселенной или Атлас новый», перевод с голландского книги В. и И. Блеу, голландский же «Зее-атлас» и другие. Они переведены во второй половине XVII века. Ни один из них не был издан типографски. Московская типография печатала богослужбные книги. Они распространялись большими тиражами, а книги светского содержания переписывались от руки. Лишь в последние годы века стали печатать буквари и грамматики. За рукописной книгой оставались все виды светской общественной литературы — и познавательная, и развлекательная, и сатирическая.

Кто же читал космографии? История не сохранила нам мыслей, чувств и мнений рядовых, простых людей. Так как же отыскать из трехсотлетней давности и описать читателей космографии? Может быть, читая об Африке у резного дубового стола, задумывался дворянский сын, играя кисточкой витого пояса рубахи. А что там за горячими песками Саары? Начитанный, он и мыслил у книги книжным языком. Окрест Саары по нашу сторону знакомые люди живут — и турки, и мурины. У Ефиопского моря — пучины океанские великие. Под равнителем обитают ефиопы, арапы... Ну, а дальше-то за равнителем? Кто за сим раскаленным местом жительствоует? И деревья тени не дают. Ничто не опасает от жаркости того солнца.

Медленно, запинаясь на витиеватых книжных оборотах речи, читал вслух и посадский лапотник на чистой половине избы. Дядя подьячий принес от протоиерея до понедельника эту рукописную книгу. И ни сам чтец, ни слушатели никак не могли «взять на ум», почему же за тем равнителем все перевертывается в Африке. Ранние ночи там летом. Зимой полный день свет. И отсюда по-нашему — полдень, юг. Там наоборот — юг есть север. Но слушатели недолго вникали в ученость. Спрашивали: Что там еще? — озираясь на догоравшую дорожную свечу.

4 Космография 1670 г. — СПб.: Изд. ОЛДП, 1878–1881. — С. 20, 23–25.

Ни книгочей, ни слушатели не допускали и мысли усомниться в чистой истинности всего излагаемого в книге. Все это так и есть, взабыль, в самом деле существует так. Но никак не растолковать себе, не уразуметь наоборотности, сущей там, за равнителем.

Это привлекает внимание и сейчас, через столетия. Моряк-писатель Виктор Конецкий вспоминает: «Где-то когда-то я читал, что направление водяной воронки в Северном и Южном полушариях противоположны. Мне хотелось засечь момент смены вращения. Но несмотря на черный цвет воды и идеальные условия, я ничего особенного обнаружить не смог. Возможно, виноват в этом был сам я, потому что последним определял координаты по солнцу. И если я ошибся в широте, то экватор мы пересекли не на экваторе, а черт знает где»⁵.

А тех читателей космографии зачаровывали сказочные опасности на землях предивной Африки, в жаркости ее солнца, среди львов и людей «человекоядцев». Не нашинские названия мест, имена тех людских племен. В ожидании услышать о самом невероятном под знойным солнцем, среди цветистой растительности, где птицы на богатом корму вырастают с лошадь, иные москвитяне жарко дышали на протоиерею книгу. Церковнославянские слова, выпренность литературной речи еще усиливали доверие, освящали, вносили глубокое таинство в непонятное, значительность в каждое непривычное в бытовой речи выражение.

О чем говорили слушатели, расходясь из избы книгочей? Припоминались беседы пилигримов, русских, плененных турками, купцов, беглецов вернувшихся. Эти рассказы оживляли читанное в книгах, дополняли познания той стороной чужеземной жизни, о которой не было ничего в писанных космографиях и «хождениях».

Изолированные от всего света трудно преодолимыми расстояниями, люди загоразживались еще религиозными предрассудками. Убежденность в извечной правоте своих богослужебных обрядов отталкивала от людей иной веры, искажала образы чужих народов. Рассказы же бывальцев в далеких странах смягчали

---

5 Конецкий В. Среди мифов и рифов. Путевые заметки. — Л.: Сов. писатель, 1972. — С. 197.

как-то религиозную нетерпимость. А таких бывальцев становилось все больше к концу XVII столетия. Хозяйственная, торговая деятельность в России не могла развиваться вне международных рынков.

Основы представлений о географии мира были уже заложены к началу XVIII века. Но Африканский материк, казалось хорошо известный с древних времен по своему северному и северо-восточному побережью, оставался еще загадочным, неведомым великаном. Моряки месяцами огибали его, изнывая от зноя. Африка не допускала их: берега мало изрезаны заливами, мало укромных бухт.

Кто в ту эпоху знал Черный материк? Только сами африканские народы, и каждый — только свою местность. Почти через двести лет после составления «Космографии 1670 года» Ливингстон пробился далеко в глубь Африки. Но и теперь, еще через много лет, нет-нет да промелькнет в журналах такое же, как и в космографиях, невероятное — о доживших до нас громадных ящерах, побивающих хвостами бегемотов. Триста с лишним лет назад массив Африки знали меньше, чем в 2014 году знают Луну. Известен был только север, да еще те места, где стоянки судов по пути в Батавию и Малакку, Каликут и Кантон.

Южная Африка, конец громадного материка, видна только на глобусе Алексея Михайловича. В книгах — печатных и рукописных — еще нет ее.

ПЕРВОЕ ЮЖНОАФРИКАНСКОЕ СЛОВО

1710 год можно назвать началом знакомства россиян с Южной Африкой по книгам. Пока не найдено других более ранних книг с упоминанием этой части Африки.

На русском языке ее описание появилось впервые на исходе второго десятилетия XVIII века, в одной из петровских географий. «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии... Повелением Великого Государя... напечатано в Москве. Лета Господня 1719, в апреле месяце».

Но упоминалась Южная Африка, во всяком случае одна из ее стран, еще в самой первой из петровских географий. «География

или краткое земного круга описание... в типографии Московской. Лета Господня 1710-го в месяце марте». Об Африке там сказано: «Земли и страны, обретающиеся в части сей сии, суть: Варвара, Египет, Биледун, Герид, Сарадуни, Ефиопиа, Абиссини и Мономотата».

Последнее в этом перечислении и стало первым южноафриканским словом — словом народов самой Южной Африки, напечатанным русскими буквами в русской книге. Вряд ли уж так важно, что оно оказалось немного искажено. Правильно — «Мономотапа», а не «Мономотата». Впоследствии в русских книгах ошибка была исправлена.

Почему же все-таки именно с этого слова началось знакомство с Южной Африкой?

Мономотапа действительно была в течение нескольких столетий самой известной из стран Южной Африки. Многие историки считали ее первым здесь государственным образованием, даже «империей».

На исходе средневековья до Европы дошли слухи о богатой золотом стране. Привлекало уже само слово «Мономотапа» — «владыка рудников». По этому титулу верховного правителя, «императора», окрестили и всю страну.

Золотые рудники «империи Мономотапы», «африканского Эльдорадо», манили конкистадоров, уже опьяненных богатствами Перу, империи инков. Правда, проникнуть в Мономотапу оказалось труднее. Мало было на утлых каравеллах обогнуть Юг Африки и выйти в Индийский океан. Пришлось еще по неведомой африканской земле пробиваться далеко в глубь континента: Мономотапа находилась между реками Замбези и Лимпопо, где теперь Зимбабве и часть Мозамбика. Португальцам удалось проникнуть в эту страну, но ненадолго. Вскоре, от внутренних междоусобиц, распалась и сама Мономотапа.

«В Африку, где умирают» отправил Дюма своего виконта де Бражелона. Он ведь в разгар схваток за Мономотапу и поплыл с войсками Людовика XIV на этот материк, только в другую его часть.

Мономотапу после ее распада постепенно забывали. Память о ней стиралась. Широко известных исследований не написали ни европейцами, ни африканцами. Не нашла она и своего Дюма, хотя в связи с ее историей остались, наверно, не менее

интересные фолианты, чем «Мемуары господина д'Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетеров, содержащие множество частных и секретных вещей, которые произошли в царствование Людовика Великого».

Самый знакомый читателям отголосок истории Мономотапы — роман Райдера Хаггарда «Копи царя Соломона». Он написан более полутора столетия назад, когда легенда о золотых рудниках междуречья Замбези — Лимпопо получила вторую жизнь. После долгого перерыва европейцы снова оказались на земле древней Мономотапы и изумились заброшенным рудникам и каменным строениям. Особенно крупнейшим из них — в Зимбабве.

Мономотапа к тому времени была уже прочно забыта, и всю эту культуру стали приписывать пришлым народам — финикийцам, арабам, индийцам. Особенно широко распространился домысел, что именно здесь и была библейская страна Офир, копи царя Соломона, откуда он привозил золото для своего храма в Иерусалиме.

В наши дни — так, во всяком случае, хочется думать — получили новую жизнь уже не легенды, а исторические истины. Памятники той культуры изучаются археологами. А африканцы назвали свою страну «Зимбабве» и отбросили слово «Родезия» (по имени Сесилия Родса).

В РАННИХ ГЕОГРАФИЯХ

«А глава Доброй Надежды лежит весма в низу, и обычайно чрез то разумеется весь нос, или мыз в низу африки».

Так начинается это первое на русском языке описание Южной Африки в книге Ягана Гибнера (1668–1731) «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии по вопросам и ответам, чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Лейпцике напечатано. А ныне повелением Великого Государя Царя Великого Князя Петра Первого Всероссийского Императора при наследственном благороднейшем Государе Царевиче Петре Петровиче на российском напечатано в Москве. Лета Господня 1719, в апреле месяце».

Книга была переведена на языки всех больших европейских государств. В Германии издавалась при жизни автора 36 раз. На языках Европы отпечатано 100 тысяч экземпляров. В русском издании — 426 страниц большого формата. Переведено с издания, вышедшего в Лейпциге после 1711 года, — в тексте упомянуто венгерское восстание 1711 года. Редактировал Я.В. Брюс. Знал ее Петр I. Его ординарец А. Нартов писал: «Я видел сам переведенные на российский язык книги, в кабинете у Государя лежащая, которые наперед изволил он читать и после указал напечатать: 1) Деяния Александра Великаго; 2) Гибнерова География». Петру, который ценил так краткость и четкость, наверняка импонировала гибнерова метода: «Се зрющъ оучися не трать всеу свое время». Эти слова — на шмуц-титule географии Гибнера.

География была включена в программу новых учебных заведений. Если бы Петр успел основать университет, он, вероятно, приказал бы создать кафедру географии. Такая кафедра в России появилась только в 1884 году. Из всех наук, получивших при Петре небывалое развитие, одно из первых мест занимали география и картография. Он даже в инструкции посланникам вписывал географические вопросы, требовал подробных описаний стран, куда посылал своих дипломатов. В «Духовном регламенте» Петр указывал, что география необходима и для понимания истории, «понеже история без ведения географского есть как бы завязанными глазами по улицам ходить».

Из книги Гибнера россияне узнавали о Южной Африке то, что тогда было известно о ней в Европе. Вместе с бьюлю неизбежны и небылицы. С ценными сведениями — и неотделимые от них предрассудки.

Южной Африке в книге посвящены два раздела: «берег кафернской» и «о Мономотапе».

«Х. берег кафернской

25. Что примечать на берегу кафернском.

Земля кафернская, лат. Кафрерия, простирается по обеим сторонам носа, именуемого глава Доброй Надежды... Люди, которые к западу при эфиопском море живут, оные городов не имеют, и никакого короля не знают, но токмо скитаются везде в оной земле, и немногим лутше зверей, а наипаче что оныя

человеческое мясо жрут. В земле своей называются оныя готен-готен, а говорят языком подобно как у нас куры кричат.

А которыя на другой стороне к востоку живут, оныя разделяются в несколько королевств, хотя и сие не гораздо лутше прежних.

Зофала королевство, под обороною португальскою. Протчие земли и королевства неудобопомнятны суть.

А глава Добрай Надежды лежит весма в низу, и обычайно чрез то разумеется весь нос, или мыз в низу Африки. В протчем тамо есть важная крепость под ведением голанским, и которая по правде за двери к Восточной Индии почтена быть может, когда прежде двух сот лет португалцы искали путя к Восточной Индии, пришли оныя последи ко стране сей. А понеже оныя принуждены были до прибытия к месту сему много бедств претерпеть, того ради с перва назвали они мыз или нос сей Капо Торментозо, сиречь гора трудная или бедственная. Но как потом щасливо им там удалось, пременили они то имя, и назвали гора Добрай Надежды. Ибо тогда можно добрую надежду иметь ко прибытию в Восточную Индию, когда токмо до сего места кто достигнет.

ХII. О Мономотапе

27. Где лежит Мономотапа.

Оная лежит в низу между землею кафернской, и для предивных золотых и серебряных рудоконных заводов оная есть богатейшая земля в африке...

Тамо болши 20 царств содержится, но оныя нам незнакомы. Португалцы домогались, дабы тамо вкоренитца, но не могли далеко проитти».

Эти скупые фразы в представлении российского читателя создавали первый образ Южной Африки.

Вырисовывается, хотя, конечно, и смутно, географический облик. Правда, стран названо еще мало («протчие земли и королевства неудобопомнятны суть»), но это важнейшие, наиболее известные тогдашней Европе.

Наименование «кафернская земля», «Кафрерия» или чаще «Кафрария» сохранилось на картах Южной Африки до конца XIX столетия. Оно происходит от арабского слова «каффир» — «язычник, неверный». Кафрами принято было называть

южноафриканскую ветвь большой группы народов банту, населяющих материк с юга вплоть до границ Нигерии и Эфиопии. Арабское слово «кафр» привилось у белых поселенцев мыса Доброй Надежды. В широком смысле слова так называли всех южных банту. В узком — только народ *кóса*, живший ближе всего к мысу. Земли этого народа английские власти в XIX веке именовали Кафрарией.

Небылиц об африканцах в книге Гибнера было, пожалуй, меньше, чем во многих тогдашних западных книгах.

Вот как писал о готтентотах француз Франсуа Лега в книге, впервые изданной в 1708 году. Книга была переведена на английский, немецкий и голландский языки. «Кафры, готтентоты безобразны, мерзкого облика люди, если только можно назвать людьми подобных животных. Они ходят бандами, обитают в ямах или убогих шалашах и нет у них другой заботы, как только выращивать скот и кормить его... Едят они сырое мясо и даже сырую рыбу... И в собственном смысле не имеют никакой религии»⁶.

Конечно, сведения Гибнера об африканских народах нам теперь могут показаться смехотворно скудными. Но автор и не пытался показать, будто знал больше. Сообщая о Мономотапе, что «оная есть богатейшая земля в Африке» и что «тамо болше 20 царств содержится», добавлял: «но оные нам незнакомы».

Немало узнавал читатель и о том, что тогда могло интересовать больше всего — о степени проникновения европейцев. И о многолетних попытках португальцев найти дорогу к Ост-Индии. И о бедствах на пути вокруг Юга Африки, из-за которых «сперва назвали они мыз или нос сей Капо Торментозо». Это первое название мыса потом переводили на русский как мыс Бурь.

Становился понятен и смысл позднейшего наименования — мыс Доброй Надежды. И сама роль этого мыса на кругосветном пути: крепость, «которая по правде за двери к Восточной Индии почтена быть может». Так читатель получал представление о голландской Капской колонии («Колонии на мысе») и о Капстаде («Городе на мысе»), который англичане лишь через сто лет переименовали в Кейптаун.

---

6 Voyage et aventures de François Leguat et de ses compagnons en deux îles désertes des Indes orientales: 1690–1698. — Londres: [s.n.], 1710. — P. 223–224.

А португальцы, понимал читатель, хотя и самыми первыми стали на этот путь, — мысом не овладели. Мономотапы «домогались, дабы тамо вкорениться, но не могли далеко пройти». Завоевано же ими «Зофала королевство» на побережье, между Мономотапой и Индийским океаном — центральная часть страны, которую мы называем — Мозамбик.

Какими предстали читателям книги Гибнера страны, близкие к Южной Африке?

«31. Где лежит остров Мадагаскар.

Онный лежит подле берега цангебарского и гораздо велик, ибо в округлости его считают аки бы Англия и Шотландия вместились могли.

Французы именуют онный остров Ла Дауфине, и построили они тамо крепость... и оную взяли агличане не давне.

На сем острову не обретается важных городов, и кажется, что мало от него прибыли бывает».

Насколько все это больше и подробнее того описания, которое давалось в «Географии 1710 года»! Общая характеристика материка была там куда беднее.

По этим географиям современники Петра узнавали об Африке. Эти географии служили источником сведений и позже — при Екатерине I, Анне Иоанновне, Анне Леопольдовне, одним словом вплоть до 1742 года. Других общих географий не издавалось.

Петровские географии переиздавались. География 1710 года (106 страниц текста и 21 страница долгот и широт «градов знаменитых») издавалась три раза за шесть лет. Второе издание — в июле 1715 года. 116 экземпляров этого издания продавались по 11 алтын 4 деньги (тогдашние 35 копеек), а работные люди на Адмиралтейской верфи получали не более одного алтына (трех копеек) в день с добавлением хлеба и соли. Третье издание — в мае 1716 года.

Печатную книгу легче читать, чем рукописную. Она портативнее. Можно взять в дорогу. И дешевле. Первую географию можно сунуть в карман — 127 страниц.

К интересам царя близка еще одна география, вышедшая при нем в Москве. Петр читал перевод этой книги с латинского

и заставил Федора Поликарпова исправить его перевод: переводить «не высокими словами словенскими, но простым русским языком», как писал Мусин-Пушкин Поликарпову.

Название книги на обложке: «География генеральная, небесный и земноводный круги купно с их свойства и действа в трех книгах описывающая. Переведена с латинска языка на российский и напечатана в Москве повелением Царского Пресветлого Величества лета Господня 1718 в июне».

Титульный лист: «География генеральная или повсюдная, в ней же аффекции или действа земноводного круга толкуются автором Берн. Варением медиц. доктором. Переведена с латинска языка на российский и напечатана в Москве лета господня 1718 в июне». Это перевод с одного из лучших амстердамских изданий (не позже 1671 года).

В XVII веке географию в учебный курс еще не вводили. Географические книги — главным образом для мореплавателей. Образцом такой географии и является книга Бернарда Варения.

Самое старое ее амстердамское издание относится к 1650 году, второе издание — в 1672 году, третье — в 1681-м. В России география Варения издана в 1718 и в 1790 годах. В отличие от географий 1710 и 1719 годов, это чисто физическая география, в ней много математических и астрономических сведений. Один из разделов: «О изящной проблеме художества навигатского, сиречь о обретении места на мапах, к которому во учиненой навигации чрез неколико время преидено, или како обрести места оного долготу и широту».

В книге трактуются математика и астрономия применительно к искусству кораблевождения, геодезия, геология, океановедение и климатология. У Варения нет биологии — описания растительного и животного мира. Нет антропологии, страноведения и исторических событий. Нет описания материков, стран, государств и народов. Он толкует физические явления на планете и дает руководства для плавания судов, сообщает агрономические сведения, необходимые морякам, объясняет маппы (карты). Указывает, как читать их и составлять. Есть и сведения «о ризонте чувственном или видимом», «о горах во обществе» (горные хребты), «о горах горящих» (вулканы).

Язык этих географий был понятен. Они принадлежали к первым большим петровским книгам нового гражданского

шрифта. В них еще редки новшества книжных оборотов речи, иностранные слова.

Книг, изданных при Петре, было 591, утверждал академик П. Пекарский. Как обнаружено сейчас, даже больше. Печатались и газеты, календари, правительственные сообщения на отдельных листах о военных инцидентах, о реформах в народном хозяйстве страны. В Санкт-Петербурге были четыре типографии. Книгопечатание Петр применял для учебных целей и для пропаганды официальной идеологии, для популяризации правительственных мероприятий. Но всё же рукописная книга продолжала существовать.

НА ПЕРВЫХ КАРТАХ

В широко распространенных географических представлениях долго еще уживались знания, насаждаемые Петром, с давними полусказочными представлениями о мире. Это наглядно отобразилось на картах начала XVIII столетия. В глухих местах империи рукописные космографии читались и переписывались и при Петре, и позже. Познания об Африке и ее дальнем южном крае в народе не отрывались от сказочных, жутких и тем более привлекательных небылиц космографии, рассказов бывалых в Африке людей.

Казанец Василий Гагара в своих хождениях в Иерусалим и Египет, в 1634–1637 годах, даже и в недалекой Грузии нашел чудищ: «А жил в той горе людоед, а ел на всякий день по человеку. Да в той же Грузинской земле есть меж гор щели, а в тех щелях заключены дверьми железными цари Гог и Магог...».

Еще больше диковинным мог казаться дальний конец Африки. Он назади чудес древнего Египта, за огромной Саарой, далеко за экватором, на самом последнем углу жаркой Африки, за которым опять, верно, стужа, льды. Тот угол Африки зовется «мызом Благия Надежды». Вокруг него злые острова в том смыкании теплых и холодных вод.

Со сказками и давними преданиями так вязались описания южных морей в космографиях! Море-океан полуденный. «Остров, на нем живут люди, власы у них имеют видом львовы велицы и страшны зело». «Остров пуст. Живут на нем змии,

лицо девичье... крылатые зовомы василисками». В том океане люди-чудовища, как и в русских сказках, охраняют богатства природные. «Остров, живут на нем люди, главы у них видом песьи, человецы велицы страшливы, много на сем острове камней драгоценных» (карта к одной из космографий XVII столетия).

И на печатных картах еще долго в обрамлении карт рисунками держалась небывальщина. Разные чудные люди. Красивая полуодетая женщина с пятью грудями. Другая, белая, нагая вовсе, на невиданном звере едет навстречу слону.

Рисунки на картах как-то помогали угадывать образ тамошней жизни. У зверей пасти зубастые, но темнокожие вожди попирают зверей ногами. Растения ветвистые, деревья плодоносные. На морях нарисованы огромные рыбы побольше корабля. И с морей, и с земель люди везут южные плоды, клыки слоновые, перья «строусов» в обмен на товары Европы.

Мой друг, московский географ и писатель Я.М. Свет, в книге «После Марко Поло» приводил домыслы раннего средневековья Европы о диковинных людях в Индии, которая тогда была для европейцев краем Земли: «В Индии сорок четыре области, и что ни область, то люди в ней разные: есть там горцы, ростом в два локтя, и они вечно воюют с журавлями... И есть... народ, в котором все безголовы; глаза... на уровне плеч... а вместо ноздрей и ушей на груди по две дыры... звери, у которых лицо человеческое, тело львиное, хвост скорпионий».

Частая иносказательность и образная передача мыслей в древних лубочных картинках и картах привлекают все большее внимание в наше время — как отблеск далекой старины. Давние карты и картинки народной жизни все чаще переиздаются — в разных странах. Как в прадедовских сказках, побасенках, приговорках, так и в картинках и картах находим мы еще не начисто оборванные связи с нашей эпохой.

В Лейпциге в 1958 году напечатали громадный альбом старинных европейских карт Африки с XII по XVIII век, со всеми тогдашними изображениями.

Кейптаунский университет в 1958 году переиздал главу об Африке из средневековой космографии Себастьяна Мюнстера, которая появилась четыреста лет назад, в 1558 году, и основана на представлениях Птолемея. Воспроизведены две карты и 17 иллюстраций. Кейптаунский журнал «Контакт», сообщил

о ней в 1959 году: «Все это издание показывает, что Африка была в 1558 г. не менее впечатляющей, чем в 1958 г.».

Юг Африки открывается на русских картах всё XVIII столетие. Медленно шло ознакомление с этим отдаленным краем земли. Карты уточнялись благодаря путешествиям туда европейцев. Все выпуклее поднимался из океана юг материка. Затеяливее рисовался рельеф побережий. Уточнялись названия областей. Появлялись все новые наименования народов. Как ветки разрастающегося молодого дерева, надписи на картах заполняли белые пятна Южной Африки.

На самой старой карте Африканский континент никак не схож с действительными его очертаниями. Хоть напечатана она в начале XVIII века, это всё же русская лубочная карта более давних времен, перерисовка одной из круглых карт Средневековья. На ней нет ни определенных очертаний материков, ни океанов, которые предполагаются за пределами круга карты. Города, реки не ориентированы относительно стран света. Контур Европы неузнаваем.

Лубочная круглая карта издавалась и в петровское время. В названии карты: «Книга глаголемая космография переведена бысть с римского языка, в ней описаны государства и земли и знатные острова, и в которой части живут какие люди, и веры и нравы, и что в которой земле родится, и о том значит в сочиненном округе сем». Есть на ней и «из немецких земель корабельной ход в Ригу и в Санкт-Питербурх», нарисованы Петропавловский собор и крепость.

В «сочиненном округе сем», в центре — «море Черное обтекло кругом Крыма» и перешло в «гирлоход до Царя града». Это карта всего мира, без четкого разделения его на континенты, на государства и без океанов. Их нет в «сочиненном округе». Названия есть только на обресе круга земного: море-окиян полунощный, окиян западный, полуденный и море-окиян восточный.

Под надписью «царствующий град Москва» — Кремль с орлом на башне. Абрис Африки, как и других материков, условен, несхож с действительными очертаниями. На грани Полуденного и Восточного «окиянов» — острова, населенные чудовищными людьми. Иллюзорность того далекого от Руси мира хорошо выражена в «Коньке-Горбунке»:

У далеких немских стран
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.

Рассматривая эту лубочную карту, удивлялись, небось, разнообразию очертаний суши, сведенной на карте в один круг: словно бог дрожащими пальцами лепил землю. А сколько разноплеменных людей, страшных зверей и птиц непонятных в этом «сочиненном округе»!

Далеки от Московии моря-океаны. Многие поколения и не видывали воды морской. Леса отгородили океаны. Громады воды не представляются взгляду мыслимому, поэтому океаны на картах древних и не значатся. Зато лес отмечен и около Петропавловской крепости.

Русским нужны были долгие годы освоения новых географических понятий через привычные сказочные представления о природе и жизни там, на краю полушария. Эти новые представления о жизни на планете вдруг прорвались в Россию одновременно с рождением Петербурга, хотя поначалу дошли, конечно, только до «просвещенных» людей.

Да Африку и европейцы знали немногим больше. «Когда французский картограф Жан Батист Д'Анвиль (1697–1782) решил в 70-х годах XVIII в. издать карту Африки и поместить на ней только действительно известные пункты и местности, то его карта оказалась почти совсем пустой»⁷.

На карте 1707 года «Новая земная плоскость» материк Африки есть, сплюснутый по высоте почти вдвое. На стыке «Океана Ефиопского» и моря Индийского — «Нос Дебона Есперанца». Область «Номотапа» — на крайнем юге с городом «Манаматапа». Ни готтентоты, ни кафры не упоминаются. Есть город Каффало против юга Мадагаскара. Из-за

⁷ Антошко Я.Ф. История географического изучения земли. — М.: [б. и.], 1965. — С. 59.

сплюсненности всей Африки Ангола попадает в самую южную часть материка. А Петербурга на карте еще нет. Тихий океан называется «Море Мирное». За кругом земным сверху — Зевс-громовец и Гера. Внизу — арабы, негры, индийцы. Животные жарких восточных и южных стран. Ковры, ткани, южные плоды.

На другой карте того же 1707 года — «Глобус географический сиречь землеописательный иже являет четыре части земли — Африку, Азию, Америку и Европу. На ней же обитаем и яже нас отсюда объемлет» изображены оба полушария. Внизу нашего полушария — «Описание географическое ветхое и новые уведанные земли, ныне вопервых на словенский диалект изданное» и посвященное «благочестивейшему Всеавгустейшему Государю... Петру Алексеевичу... Во Гражданской типографии лета Господня 1707. В царствующем граде Москве... тшанием Василия Куприянова... Под назрением его превосходительства генерала-лейтенанта Якова Вилимовича Брюса». Петербурга и на этой карте еще нет.

Контур Африки тоже еще далек от подлинности. Вдоль всей Южной Африки надпись «Ефиопия». Ее пересекает крупно начертанная надпись «Мономотала» почти по всему югу и мелко — «город Мономотапа». На краю «моря Кафаронского» — «Край Благия Надежды». Всю Южную Африку омывает «Океан Южный то есть Ефиопский». У Мадагаскара указан «остров Свята Мариа». Сам Мадагаскар под тремя названиями: «остров Делфиский или Мадагаскария и Святого Лаврентия». Корабли парусные, весельные, и громадные рыбы заполняют «Ефиопский океан» по обе стороны Африки.

В этой же типографии в 1713 году издана карта «Всея Африки тщательнейшая таблица, нами исправно рассмотренная, многими местми умноженная, на части тако большие яко меньшие раздробленная. В Москве... во Гражданской типографии от б[иблиотекаря] В[асилия] Куприянова против амстердамских карт».

Это первая русская карта Африки. Южная часть испещрена множеством коротеньких рек, впадающих в океаны, и хребтами бесконечных гор, изображенных коническими одинаковой величины знаками. Еще не были известны способы точного

определения высоты. Этих гор на последующих русских картах значительно меньше.

Севернее Мадагаскара — «океан Восточный». «Экватор или линия Равнонощная» режет Африку и океаны. Южнее экватора Атлантический океан назван «Ефиопски». По Ефиопскому и Восточному океанам плывут из Европы трехмачтовые корабли, зримые до флагов и пушечных амбразур. Плывут они к «Капо Бона Есперанца» и оттуда, огибая Мадагаскар, — к северо-востоку, в Индию, и к востоку, в Новую Голландию.

В углу карты — камень. На нем длинное название карты и два льва. Один яростный, готов ринуться, второй царственно спокоен. У камня богато одетый восточный негодник, сидя на сундуке, говорит с европейцем и женщиной с Востока или из Африки. Темнокожий вождь, держа мальчика за руку, прислушивается к беседе, опираясь о камень рядом со спокойным львом. Рыкающий лев смотрит на иноземцев. К вождю уже подводят слона, готового принять вождя на свою спину. Тюки товаров. Их готовит черный раб. И пальмы, пальмы, кустарник, диковинные плоды. И суша, и море мастерски нарисованы.

В основу этой первой русской карты Африки положена карта, изданная в Амстердаме четырьмя десятилетиями раньше, около 1671 года. Составил ее Фредерик де Вит (1618–1698), основатель известной семьи голландских картографов. Как бы много ни было на ней ошибок с современной точки зрения (например, к востоку от острова Св. Елены помещен еще один — «Новый остров Св. Елены»), всё же это была одна из лучших карт Африки того времени.

Конфигурация Южной Африки на карте 1713 года уже приобретает почти современный вид. Крупно обозначено «Монматти владение». Восточный берег до «Зангубара» назван «Каффариа». Западное побережье южной оконечности названо «Коста Каффарес», его омывает океан «Ефиопски». На русской карте 1817 года это побережье названо «Берег пустой». А в глубине Африки, где на карте 1713 года так много селений и гор, в 1811 году — белое пятно и надпись: «Внутренность сих земель почти неизвестна и населена дикими и скитающимися народами, с которыми нельзя торговать»; выше до экватора тоже «Неизвестная земля». Эти две надписи повторены в «Генеральной карте Африки с показанием трех Куковых путешествий,

сочиненной Герионом, исправленной и пополненной Максимовичем в С-т Петербурге 1817 года». На «Генеральной карте Африки, изданной военно-топографическим депо, 1827 год» — надпись еще категоричнее: «Часть совершенно европейцам неизвестная». На «Генеральной карте Африки, составленной Л. Лангером», 1854 год, «Неизвестная земля» у экватора немного заполняется надписями. А там, где на карте 1811 года «дикие и скитающиеся народы», надпись в 1854 году — «Великая степь». В 1860 году на карте Африки Н.С. Рыбникова — «Пустыня Калахари» и немного севернее «Низменная равнина... в которой собирается сахарный тростник, бананы и проч.».

Только через полтора века уточняются на русских картах сведения о глубинной части Африки. Обозначаются внутренние области Мадагаскара, который приобретает уже действительную конфигурацию. В 1866 году на «Генеральной карте Африки» С. Тютикова покрывается надписями белое пятно у экватора — через 12 лет после плавания туда Гончарова и после двух десятков русских кругосветных плаваний.

Что же можно увидеть на карте 1713 года? Сколь достоверны могли быть сведения о Южной Африке при Петре? Его карты, взятые у амстердамских картографов, у голландцев, которые первыми захватили Южную Африку, были, вероятно, еще из лучших в Европе.

Да и на других разных картах времени Петра рисовали и людей, и зверей, и рыб. Условные обозначения были наглядны. Зримы были, «какие по ним породы, на каком они расстоянии», какие там дороги, что растет кругом, какие люди ходят, на каких зверей смотрят. По рисункам в какой-то мере ощущалось дыхание жизни разных областей или стран.

А эта первая в России карта «Всея Африки», с такой подробнейшей разметкой ее южной части, привлекала внимание россиян ко всему матерiku — не только к его северо-востоку, уже как-то известному русским. Географическая виньетка на карте и цепочка кораблей, огибающих Африку по пути в Индию, казалось, была предназначена для воодушевления искателей приключений.

Случилось так, что эта карта была издана почти одновременно со старой лубочной картой космографии, но между

ними лежат долгие изыскания европейской картографии. В России эти карты уместились в одно десятилетие потому, что тогда был взрыв — в пробитое Петром окно хлынули новшества и картографического искусства Европы. Сопоставляя эти две карты, видишь и начало отрыва просвещенного дворянства от народа. Лубочная география, лубочные картинки деревенской жизни и забавные побасенки, что почти в равной мере увлекали воображение мужика и помещика, теперь именуются «простонародными».

Все шире раскрывались окна и двери в Европу. Моряки, армейские офицеры, чиновники, купцы и учащаяся молодежь отправлялись для обучения или для доучения, и по делам службы, и по торговым делам. Ехали и по велению Петра, и по своему почину. Плыли и ехали в Европу и посадские люди, ремесленники, мастеровые по корабельному строительству и конструкторы из «чертежных анбаров» Адмиралтейства, чтоб наблюдать в Европе «корабельные члены». Впервые учиться ехали и «дети вышних персон», и мастеровые «всех художеств» из «подлых сословий».

Они привозили с Запада новые книги, атласы, глобусы и предложения от ученых разных стран для перевода книг на русский язык. Переводить побольше и покороче излагать. Главное — суть дела. В законодательных актах Петра I сохранилось его указание: «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои пополнять только для того, чтобы велики казались, чего, кроме самого дела и краткого пред всякой вещью разговора, переводить не надлежит».

Возникали новые области познаний, новая техника, новая терминология, для которой русский язык не находил сразу форм выражения. Весь XVIII век обкатывались петровские нововведения в литературный общественно-политический и научный язык.

В новой столице, в домах европейского ладу, в костюмах иноземного покроя углубленно вникали петербуржцы в «куриозитэ» Европы, восхищенно обживали весь новый политес. Новый мир был еще им мало понятен. Но он сиял, слепил новизной общественных порядков, великолепием дворцов, убранством комнат, пышностью костюмов, блеском всего дворянского обихода.

Бешеными темпами возведения громадного города на берегах Невы, судостроения, вооружения и удесyтерненным числом реформ стремился Петр догнать, сравняться с Европой в познании земного шара, выпустить свой флаг в океаны. Создать новую морскую столицу. А народ еще не понимал, не ждал больших благ от доведения мощи флота до европейской. Немного было у царя людей, обладающих, как он сам, «пространством ума, еже мыслями разумными сведети глубины». Но можно ли так уж сурово осуждать тех, кто не вполне осознавал значимость реформ? Что-то ведь есть и в этой оценке, которую дал Петру великий русский историк Ключевский: «Понимал только результаты и никогда не мог понять жертв»⁸.

В каждой отпечатанной новым шрифтом странице сквозит направленность на сегодня, без учета возможностей выполнять. Указ, повеление, приказание, изъяснение — все сводилось к неотложной нужде именно в этой форме, в этих мерах, от которых Петр ждал решительного поворота в своих преобразованиях. Они, прежде всего, укрепили монархическое государство. По поводу издания «Книга устав морской» Петр упомянул присловицу, что «всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет. А который и флот имеет, обе руки имеет».

Множились нужды крестьянские. Тягостнее становился труд мастеровых. Нищали посадский люд и мелкие служивые грамотеи. По всей империи за скорыми реформами шли нога в ногу разорение народа и обеднение казны государства. В 1723 году даже на жалованье служащим самого Адмиралтейства не было у Петра денег.

И это не могло не сказаться в первой же попытке Петра отправить свои корабли в дальние южные моря, вокруг Африки.

---

8 Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. — М.: Мысль, 1993. — С. 86.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ КОРАБЛЬ В ЮЖНЫХ МОРЯХ

Замысел Петра — проплыть южными морями, кругом Африки — был, можно сказать, все-таки выполнен. Правда, полвека спустя. Большая группа российских людей прошла этим путем. Даже более долгим — не только вокруг Европы и Африки, а кругом почти всего Старого Света.

Но случилось все это не совсем так, как хотел Петр, или, вернее, совсем не так. И дело не в том, что плавание шло в обратном направлении, не с запада на восток, а с востока на запад.

Главное — в другом. По маршруту, намеченному когда-то официальной властью, первыми прошли не ее посланцы, а те, кто выступал против нее: взбунтовавшиеся ссыльные, «злодеи», как их окрестили петербургские чиновники.

И вот те, кто первыми на Руси могли бы рассказать о дальних жарких странах, оказались пожизненно отгорожены от своих соотечественников стеной вынужденного молчания. А сколько бы можно было узнать от них! Это ведь люди разных сословий, разного возраста и пола, выходцы из обеих столиц и многих губерний бескрайней России. У каждого был свой взгляд, свой опыт. В чужих краях каждый из них примечал что-то свое, особое, и благодаря этому панорама в целом получилась бы объемная, многокрасочная.

Конечно, их впечатления не могли быть такими, как у вольных путешественников. Наблюдения новых земель не были для них целью. Беглецы, они терзались думами о своей злосчастной судьбе. В пути их не так уж занимало увиденное.

Но, возвратясь на родину, они смогли бы осмыслить то, что прошло у них перед глазами. В воспоминаниях, рассказах пережили бы все заново. И опыт их, впечатления, не пропали бы втуне.

А получилось иначе. Государственные преступники, они не могли ничего рассказать. Запрещено было их расспрашивать,

писать об их злоключениях. (Некоторые из них, предчувствуя все это, так и не решились вернуться на родину).

И теперь, через два с половиной столетия, можно собрать об этих людях и их странствиях лишь очень немного, да и то по крупницам. Трудно даже установить, сколько их было. Бенёвский в своих «Путешествиях и воспоминаниях» называет то 110, то 99; Рюмин и Судейкин — 70 человек. Правительственных сообщений долго не публиковали. Дело о бунте было под строгим секретом. Потом, через два года, в правительственных указах назывались только те, кто вернулся в Россию. Сенат повелел «обобратить всю черновую и беловую переписку о Бенёвском, а жителям Камчатки объявить, чтобы об этом деле никто не смел писать в своих частных письмах. Вообще же приказано всем начальствующим лицам дело о бунте держать в величайшем секрете», — писал А.С. Сгибнев по материалам Иркутского архива⁸³.

ДЕЛО О ПРОИСШЕДШЕМ В КАМЧАТКЕ ОТ СОСЛАННЫХ ЗЛОДЕЕВ БУНТЕ

Пожалуй, самое важное из того, что сохранилось, — «Дело о происшедшем в Камчатке в Большерецком остроге от сосланных злодеев бунте». Хранится оно в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

В «Деле» много документов о препровождении на «житиё» в Камчатку и об условиях жизни там ссыльных и местных жителей. Отчеты чиновников, командиров портов и иркутского губернатора о бунте в Большерецке. Указы из Петербурга. Есть и «Объявление» — манифест бунтарей, перечень вин правительства, несправедливостей, жестокостей к простому народу. Но вся документация в «Деле» сведена к бунту.

А путевые записки?

---

⁸³ Сгибнев А.С. Бунт Бенёвского в Камчатке в 1771 г. // Русская старина. — Петербург, январь 1876. — С. 533.

В долгом пути по трем океанам бунтари едва успевали оглядывать новые для них места. Офицеры жарко обсуждали, кто из царей был бы лучшим: Иоанн Антонович, Петр III, Павел Петрович, Екатерина II? Во время плавания на захваченном корабле «Святой Петр» почти половина людей погибла в дальнем пути, оставлена в портовых госпиталях. Из семи офицеров, ступивших на галют на Камчатке, вокруг Африки плыли только четверо, и ни один из них так и не вернулся на родину.

Записки вели Бенёвский, ссыльный польский офицер, который взял на себя командование, канцелярист комендатуры Большерецка Рюмин и ссыльный ротмистр Степанов. Бенёвский внесил в свои записки маршрут пути — как и Рюмин с помощью штурмана Бочарова.

Бенёвский о своих спутниках рассказал немного. Они ведь бунтовали и против него. Он вел их вперед, но расправлялся с недовольными. Описания Бенёвского мало помогают нам понять душевное состояние его российских спутников.

Записки Рюмина весьма лаконичны, Степанова — тоже. Рюмина тяготила ответственность за участие в бунте. Убийство коменданта острога, разграбление военного имущества, похищение казенного судна. Как выразить в записках свое раскаяние, написать что-то угодное властям, отметить не то, что хочется, а что от тебя ждут.

Какими же представляются события сейчас? Ведь все-таки делались попытки сохранить память, собрать то небольшое, что даже державной воле не удалось предать забвению. Вспомнили об их злоключениях, задумались, как же все было, с чего началось... Полтора-два года назад, на полдороге от «злодейского» бунта к нашим дням, появились статьи в «Русской старине» и «Морском сборнике», еще раньше — в «Сыне отечества», в «Русском вестнике».

БУНТОВЩИКИ БОЛЬШЕРЕЦКОГО ОСТРОГА

«В царствование Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Якутская область была наводнена ссыльными привилегированных сословий, обвиненными происками

временщиков в государственной измене. Якутские воеводы не раз доносили Сибирскому приказчику, что все остроги заняты колодниками»⁸⁴.

При Екатерине присланы сюда и пленные поляки, а число ссыльных офицеров из столичных гарнизонов резко возросло.

На Камчатке были три острога. Главным из них — Большерецкий, при впадении реки Быстрой в Большую. В Большерецке — большая канцелярия и командир, капитан Нилов; он был в подчинении командира Охотского порта. Казенный командирский дом, церковь Успенья Богородицы, 4 кладовых амбара, 23 купеческие лавки и 41 обывательский дом на 90 «постояльцев». И 70 человек гарнизона, из которых 40–50 всегда в разъездах⁸⁵.

В царствование Александра I Большерецк пришел уже в совершенный упадок и состоял из полуразвалившейся церкви и десяти дворов. Да и тогда, при Екатерине, он был захолустьем из захолустий. Но Бенёвский в своих «Мемуарах и путешествиях» показал его совсем иначе, и такой образ закрепился потом в романах, основанных на этих мемуарах. Например, в романе Жана д'Эсма «Покоритель Красного острова», изданном в Париже уже после Второй мировой войны, Большерецкий острог назван столицей провинции, а капитан Нилов — губернатором. Дом коменданта с его канцелярией — особняком «несколько примитивным, но роскошно, причудливо убраным: элегантные шпалеры, великолепные ковры, диваны вдоль стен, на одной из стен панопли с великолепным огнестрельным и холодным оружием, редким, дорогим, украшенным драгоценными камнями... Из полураскрытой двери в приемную губернатора доносятся нежные звуки клавесина». Там — дочь губернатора. Ссыльный Бенёвский вскоре покоряет ее и увозит в океан. А на самом деле и дочери у Нилова на Камчатке не было. Не было элегантных обоев в комендантской избе, мягких диванов, клавесина, атмосферы галантных ухаживаний на манер кавалера Де Грё из «Манон Леско».

84 Там же. — С. 526.

85 [Шмалепов Т.]. Краткое описание Камчатки, учиненное в июне месяце 1773 года камчатским командиром капитаном Тимофеем Шмалеповым // Опыт трудов Вольного российского собрания при Имп. Московском университете. — Ч. 1. — М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1774. — С. 195–202.

В Большерецке в ночь на 27 апреля 1771 года началось «замешательство» — бунт ссыльных. У коменданта Нилова произошло «столкновение» со ссыльными офицерами, и он был убит одним из них, поручиком Пановым.

Самым активным зачинщиком бунта был тридцатилетний Мориц Август Бенёвский. Сам он подписывался: барон Мориц Анадор де Бенев. На титульном листе его мемуаров — граф Бенёвский. В русской литературе XIX и XX столетий (до того о Бенёвском было запрещено писать), как и в архивных документах XVIII века, разнописание имени и фамилии Бенёвского очень широко. Он Бейпоск и Бейновск, Бениовский, Бенъевский и Бенёвский. Бенёвский родился в Венгрии, точнее, в словацкой земле, входившей тогда в венгерские пределы. Служил в австрийской армии. Вынужден был бежать из родных мест после ссоры с кузенами, которые захватили его родовое поместье. Отправился в Польшу, стал полковником Барской конфедерации. Сражался против русских войск, взят в плен, отпущен «на пароль» [под честное слово] и снова взят в бою, отправлен в Казань. После побега опять схвачен и тут же отправлен на Камчатку.

Впоследствии, когда Бенёвский приобрел громкую известность в Европе, мадам Жанлис, французская писательница, популярная и в России, обрисовала его как человека маленького роста с красивым лицом и хорошими манерами, весьма находчивого.

С Бенёвским был близок гвардии поручик Петр Хрущов, «с которым они составили план своего спасения»⁸⁶. Хрущов, инициатор побега, давно собирался бежать и вовсе не хотел бунтовать. Просто выжидал случая уйти куда-нибудь на острова, хоть на рыбацкой шхуне. Хрущов приютил в своей квартире Бенёвского, прибывшего в 1770 году. Сам Хрущов провел в ссылке девять лет. Его вины указаны в «Своде законов» 1762 года: «Октябрь 24. Манифест. Лейб-гвардии Измайловского полку поручик Петр Хрущов обличен и винулся в изблевании оскорбления Величества... Хотя мы собственно наше оскорбление в таком злодеянии великодушно презираем, но не могли пренебречь

86 Побег графа Бенъевского из Камчатки во Францию // *Сын отечества*. — Ч. 71. — СПб., 1821. — С. 10–11.

правосудием к обиженному народу, видев в нем возмутителя общего покоя... Надлежит Петра Хрущова и Семена Гурьева, яко главных в том деле зачинщиков, четвертовать, и потом отсечь головы; но в рассуждении нашего правила о наблюдении монаршего милосердия... обоих Петра и Семена бывших Хрущова и Гурьева ошельмовать публично, а потом послать их в Камчатку в Большерецкий острог на вечное житьё...»⁸⁷.

Что «изблевал» Хрущов, не вполне ясно и из «Доношения следственной комиссии». «...Лейб-гвардии... поручик Петр Хрущов, доказан и винился в изблевании того оскорбления, и что он старался других привлечь к намеряемому им возмущению против Вашего Императорского Величества и общего покоя, затевая, якобы уж и многих имел в своем согласии».

Еще один участник бунта, гвардии поручик Василий Панов, «был действительно очень хорошей фамилии, с большими талантами и особенной пылкостью ума, но, увлеченный порывами необузданных страстей [как в то время можно было иначе сказать о его возмущении действиями фаворитов Екатерины?], послан он был за первое не очень важное преступление в Камчатку»⁸⁸.

Заодно с Хрущовым, Пановым и Бенёвским оказался и Ипполит Семенович Степанов, отставной ротмистр, помещик Московской губернии, депутат в Комиссии о сочинении проекта Уложения от дворянства Верейского уезда. Его сослали в Большерецк за сопротивление Наказу в 1767 году и за резкое столкновение с графом Григорием Орловым. Комиссию о новом Уложении законов империи Екатерина создала, видя настроения передовой части дворянства; да и Европа ждала обещанных царицей «просветительств». Но Екатерина быстро убедилась, что от Комиссии ждут не слов, не обмена мнениями, а дела, с чего и начал Степанов. Поэтому Ипполит Степанов за первые же свои требования оказался на Камчатке, так и не поняв своей вины.

Участие в бунте принимали армейский офицер Иосафат Батурин; адмиралтейский лекарь Магнус Мейдер; камер-лакей Александр Турчанинов, сосланный еще за заговор против Елизаветы в пользу Иоанна Антоновича; лейб-гвардии поручик

87 Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. — Т. XVI. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. — С. 92–93.

88 Побег графа Бенъевского... — С. 68.

Семен Турьев и майор Винблан — швед, который вместе с Бенёвским сражался с русскими на стороне польской армии конфедератов.

Взбунтовались все ссыльные Большерецка. Почему у ссыльных, таких разных, разного происхождения, разных судеб, возникло единодушие? Пусть и не все из них, но многие испытали на себе наказания того времени — или были свидетелями этих наказаний. Теперь, в наши дни, подзабыто даже то, что применялось в годы сталинского террора. Что уж говорить о том, что было в XVIII столетии. Кнут, плети, батоги, вырывание ноздрей, урезание языка, дыба, колесование... Чего только ни было! В приговоре Пугачеву в 1775-м, сказано: «Четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по частям города и положить на колеса, а после в тех же местах сжечь».

Правда уже в ссылке, в Большерецке, сосланные жили на частных квартирах, ловили рыбу, ходили на дальнюю охоту, обучали грамоте детей. Камчатскому начальству в тот год было не до них. «В зиму 1768–1769 г. свирепствовала в Камчатке оспа, похитившая 5767 инородцев и 315 человек русских заезжих людей. Вслед за этим бедствием обнаружился повсеместный неуллов рыбы, которая заменяет здешним жителям хлеб. Между тем наступала зима 1769 и 1770 гг., а с нею и голод. Трудно описать все бедствия, перенесенные камчадалами... В пищу употреблялись кожаные сумы, езжалые собаки, падаль и, наконец, трупы умерших от голоду своих родственников»⁸⁹.

Большинство солдат гарнизона находились в постоянных дальних разъездах по громадной территории, чем и воспользовались заговорщики.

Беспечный комендант Большерецка не обращал внимания на донесения солдат, заметивших подготовку к мятежу. Тем более что руководители бунта Бенёвский и Хрущов ежедневно бывали в его доме. Воспитанные, образованные люди, они пользовались большим уважением Нилова, обучали его сына иностранным языкам. И с самим комендантом, бывало, коротали за непременной бутылкой долгие камчатские вечера.

89 Сгибнев А.С. Бунт Бенёвского в Камчатке... — С. 527.

Как много было указов, приказаний, инструкций для постоянного надзора и строгого обращения с арестантами, со ссылными, особенно с государственными преступниками!

Вот инструкция «сенатских рот курьеру князю Матвею Мамаеву с солдатами от генерала-прокурора и кавалера князя Вяземского. Ноябрь 16-го дня 1769 года С. Петербург... Для отвозу к сибирскому господину-губернатору и кавалеру... Чичерину секретного пакета, и притом и некоторых двух арестантов». Наказы — уж куда суровее: «Разговоров вам с ними арестантами никаких не иметь, тем паче о состоянии и именах их у них не выпрашивать»⁹⁰.

Но наказов этих никто не выполнял. Ни сибирские начальники, ни конвойные офицеры и солдаты, ни тюремщики. Население же всей империи сочувственно относилось к арестантам, колодникам, ссылным.

Эти два не названных в инструкции арестанта были будущие зачинщики бунта в Большерецком остроге — Бенёвский и Винблан. Их «проследование» по всей Сибири до Охотского моря было помпезным (в укор правительству) шествием в ссылку двух военнопленных: шведа и венгерца на польской службе. Окруженные почетом, заботами участливых, сострадательных людей, они не лишены были и радостей общения с прекрасным полом.

Генерал-прокурор Вяземский в рассуждении простодушных офицеров дальних гарнизонов давал в инструкциях дополнительные указания. Но как мог выполнять Мамаев эти указания, когда даже начальники губерний на пути к ссылке неизменно принимали у себя Бенёвского, обаятельного европейца и вполне светского человека. Они наказывали Мамаеву быть учтивее, деликатнее в обращении с таким изысканно воспитанным господином. А на месте вечной ссылки комендант Нилов встретил «ссылочного», как редкого гостя. Устроил ужин и пригласил «генерала польской армии», как рекомендовался Бенёвский, в учителя к своему сыну.

В многолетних сетованиях правительства на пагубные последствия бунта на Камчатке (было даже прекращено отправление ссылных на Камчатку) не названа одна из причин успеха

90 ЦГАДА. — Ф. 6, д. 409 (Дело о происшедшем в Камчатке в Большерецком остроге от сосланных злодеев бунте. Начато в 1769 г. Кончено в 1774 г.). — Л. 8–9. Дальше номера листов указаны прямо в тексте.

бунтовщиков: беспробудное пьянство камчатской администрации и гарнизона.

На дальней окраине империи в администраторы попадали или безнадежные пьяницы, непригодные к строевой службе в самой России, или корыстолюбцы, ради наживы доводившие и местных жителей, и русских поселенцев до нищеты. Просто-народье в Большерецке, как и во многих местах Сибири и Дальнего Востока, любой ценой радо было избавиться от измывательств и поборов. Потому-то «несколько разного чина людей убили до смерти тамошнего командира капитана Нилова и пограбя разбойнически денежную казну и протчие материалы и припасы, и взяв... судно галиот “С. Петра” с принадлежащим такелажем, бежали в море» (л. 28).

САМОЙ ЕКАТЕРИНЕ БРОШЕН ВЫЗОВ

Перед отплытием в море Ипполит Степанов и Бенёвский «составили в сенат объявление, в котором, упомянув вкратце о том, что законный государь Павел Петрович неправильно лишен престола, выставили в черном виде все главнейшие распоряжения императрицы»⁹¹. Бенёвский написал и свой Manifestum, Anno 1771, April, на латыни. Обе эти прокламации, вероятно, были приняты Екатериной как подстрекательства польского бунтаря. Может быть, потому года через два Ипполит Степанов и был прощен Екатериной в ее личном письме к нему в Лондон.

В «Объявлении» — о бедствиях российского народа и несправедливости распределения общественных благ, о гнете самодержавия и бюрократического строя, мешающего даже развитию ремесел и торговли. Написано оно от лица всех участников бунта — значит, и от «подлого люда». Ведь к бунту примкнули казаки, солдаты, рабочие порта и подписали «Объявление». Знали его хотя бы на слух. За них расписывались грамотные.

«Объявление» во многом сходно с манифестом Пугачева, провозглашенным через три года. Звучало оно более грозно, чем

91 Сгибнев А.С. Бунт Бенёвского в Камчатке... — С. 539.

манифесты, составленные декабристами спустя полстолетия. Не случайно лейб-гвардии поручик Хрущов отказался поставить свою подпись под вызовом императрице — а ведь он же до того «изблеывал» оскорбления Ее Величеству.

Правда, мятеж на далекой Камчатке вряд ли мог получить отклик в центральных губерниях. И всё же генерал-прокурор, получив это «Объявление» через много месяцев (оно адресовано «во Канцелярию большерецкую, Камчатскую»), по повелению Екатерины II собственноручно написал: «Сей пакет хранить в Тайной экспедиции и без доклада Ее Величеству никому не распечатывать. Князь А. Вяземской» (л. 19).

«Объявление» изложено на десяти больших листах (листы 14–18 с оборотами). Писарским почерком написано тщательно, хоть и торопливо. Сочиняли «Объявление» уверенные в своей правоте люди. Начинается оно так:

«Не только российскому народу, но и всему свету известно, что вся Россия по справедливости обязана непосредственно благодарностию своею истинному своему монарху Петру Великому отцу отечества, которого высокие потомки царствовать над нами... должны... Вследствие чего избрана и возведена была на наследственный Всероссийский императорский высочайший престол любезнейшая его дочь... Государыня Императрица Елисавет Петровна, которая следуя по линии наследства и быв при кончине своей потому узаконила... наследника дщери Петра ж Великого царевны Анны Петровны сына... Петра Феодоровича... при восшествии его на наследный Всероссийский императорский престол в 762 году весь российский народ присягал». Но «бунтовщики» свергли его с престола, «потом лишили и жизни».

Иосафат Батурич, приверженец этого государя, подпоручик армейского Ширванского полка, очевидно, настаивал на таком подробном изложении перипетий короткого царствования Петра III. Батурич в ссылке именовал себя «полковником артиллерии и кабинетским обер-курьером императора Петра Феодоровича». Бенёвский же, называвший себя курьером Павла Петровича, наверно, торопил переходить к существу дела.

«Оставшийся сего Государя любезнейший сын, а наш Всемилостивейший Государь Павел Петрович лишен престола... Мы обращаясь всегда между сынов отечества ревнующих к законному своему государю... а Россия без истинного своего государя

одним пристрастным управлением доводится до самого разорения... У польского народа отнимается вольность, которая России не только вредна, а полезна». О вольности польского народа, конечно, добавил Бенёвский.

«А в России начальники единое только имеют право, делать людям несчастье, а помочь бедному человеку никакого уже права не имеют... Не порядочные законы, а самовластие... Народ российский терпит единое тиранство, в Европе ездят промышлять серебро и золото, а у нас сей промысел отнят, а кто оным может пользоваться, одни... фавориты... богачи. А нижнего рода людям позволено бить зверей, и то без всякого положения... А российский народ трудолюбив, наклонен к промыслам». Это изложение местных трудностей бесправного рабочего люда.

«Вот причины рабства, кто богатый имеет случай угнетать бедных людей, ежели он и мало знает законов, то судья ему за деньги помогает... а скажем то теперь, когда дворянство мало просвещено не имея сил... пещись о своем отечестве. А каждый старается только... подлым образом от начальника милость и получить чин. А получа оной быть врагом народным... грабя народ и из общественной казны богатства».

И опять о горестях местных камчатских людей: «Что осталось бедному непросвещенному народу. Каково есть российское купечество... Заманивают из России народ, дают им деньги для деланья судов, зато берут половину промысла... задают на одежду, и на обувь... против обыкновенного двойную цену в рассуждение обширной земли: людей весьма мало, а предохранить их попечителей нет.

Теперь правительство приступить может в рассуждении обвинить ли наш поступок, какой мы в Камчатке произвели. Мы все присланы в Камчатку не по правосудию, а поносились, показывая род тиранств, и ни малейшего человеколюбия».

Ишполит Степанов, возмущенный «ни малейшим человеколюбием», смело, прямо о себе пишет в этом «Объявлении»: «Я будучи депутатом подал прожект, идучи против наказа... на рассмотрение Комиссии». Что стало с «прожектом», Степанов не пишет.

Дальше он и его товарищи говорят о себе в третьем лице. «Потом Панов, Степанов с товарищами говорили: что мы законному своему Государю усердно исполнить его повеления

всегда были готовы. А притом вредных отечеству и Государю людей искоренить за должность почитали... Зато не только вины наши прописав, и имена утая сослали... Батурин... привезен в Камчатку, назван сумасшедшим, и не велено верить, что будет говорить, и говорит правду, что было при убитом Государе, видел все дела. И с чего ненависть между супружества произошла». Это уже о Екатерине и Петре III.

Не очень-то связан этот рассказ. Ведь на мгновение получили возможность скороговоркой выпалить правду — все, что так наболело. И бежать. Неизвестно куда, неизвестно зачем, неизвестно на какой срок. Пугачевцы после разгрома бежали на Дон, чтоб затеряться среди таких же русских людей. Некоторые декабристы (например, Кюхельбекер) пытались бежать в знакомую им Европу, где они учились когда-то или воевали с Наполеоном.

Камчатские бунтовщики могли бежать только за горизонт неизвестного им океана. И отчаяние, и ликование, и страх перед будущим — все перемешалось в их душе. Перемешалось это и в их «Объявлении».

«И присланы все мы на свое содержание, где всегда зима, и хлеба нет, а покупают дорогой ценой и питаемся все рыбой. И привыкшие люди в работе сносить того не могут, рассмотрите: есть тут человеколюбие: ни малейшего нет кроме обмана и неохота умирать.

А только все мы усердны нашему отечеству и законному нашему Государю Павлу Петровичу и покажем ему единому свою подданническую должность... Виват и слава Павлу Первому, России обладателю... Спасая ево, Бог спасет и подданных невидимым промыслом. А мы желаем соотечественникам нашим всякого добра, а сказать можем прямо, что подлинно от беспорядка народ удручен и через то... имевши случай, узнавши прямую вольность искать своего спасения, и не пропустить».

После «Объявления» — присяга Павлу Петровичу за четверть века до того, как он действительно стал императором Павлом I.

Вызов, брошенный императрице из безвестного острога Богом забытой Камчатки, как это ни поразительно, был услышан. Даже сто лет спустя известный историк Иван Гаврилович Прыжов, сам побывавший и на каторге, и на поселении в Сибири,

ссылался на «Объявление» в лучшей из своих книг — «Истории кабаков в России в связи с историей русского народа».

БЕГЛЕЦЫ ЗАВЛАДЕЛИ КОРАБЛЕМ

Среди тех, кто всё же не подписал «Объявления» и присяги, был лейб-гвардии поручик Петр Хрущов. Но именно Хрущов — подлинный инициатор побега. Он еще задолго до появления Бенёвского в Большерецке обдумал побег, готовился к нему, говорил о нем близким товарищам, изучал ближайшие острова в Тихом океане по географическим книгам, которых у него было по тем временам много. Через полвека в журнале «Сын отечества» сказано: «Хрущов, с которым они составили план своего спасения, был человек отличного ума и с большими познаниями. В библиотеке его находилось путешествие Лорда Ансона. Очаровательное описание Марианского острова Тиниана, которое приводит каждого читателя в восхищение, подало им мысль мечтать о переселении в сию прелестную страну»⁹². Но Хрущов собирался бежать и вовсе не хотел бунтовать.

Вообще, когда думаешь о ссыльных офицерах Большерецкого острога, больше всего поражает их разобщенность. У них было три знамени, три избранника — Иоанн Антонович, Петр Федорович и Павел Петрович. Молитвословия каждого своему государю, живому или мертвому, разъединяли их. Потому-то у руля оказался Бенёвский.

Поднявшие бунт офицеры навсегда закрыли себе возможность вернуться на родину. Но искали спасения за рубежом не только офицеры.

Предпочел Камчатке бегство в никуда и Турчанинов, старый камер-лакей Анны Иоанновны, которому за участие в заговоре в пользу Анны Леопольдовны был урезан язык и вырваны ноздри.

Работные люди купца Холодилова, вместе с приказчиком Чулошниковым, бежали от всегда спешных и поэтому вдвое тяжелых работ на грузовых судах в краю необжитом, неустроенном.

---

92 Побег графа Бенёвского... — С. 10-11.

Бежали от жестокости купцов-полуразбойников и лихоимства пристанского начальства, которые требовали по-воровски быстрого перевоза «купленного» у коренного населения «товара» и ясашных сборов.

...От острога бежали, как во время стихийного бедствия, на плотках. Но захватили всё же ясашные деньги, дорогие меха, оружие, военное снаряжение и большой запас провианта. По реке Большой плыли до ближайшей гавани на море. Бедствия, лишения объединили их — людей, собранных со всей Руси на этот край земли волей властей, жертв случая, собственной удачи, несчастья, убеждений или излишней правдивости. Коряк, швед, русский, немец, камчадал, столбовой старинного рода дворянин, крестьянин и матрос, чиновник Адмиралтейства и писарь острога, жена штурмана и камчадалка Лукерья Ивановна Паранчина — все стали товарищами по несчастью.

Двенадцатого мая 1771 г. поднялись на палубу вмерзшего в лед «Святого Петра».

Многих, кто оказался на борту этого небольшого судна, стоит назвать поименно, хотя в сохранившихся материалах имена и фамилии упоминаются с такими разночтениями, что порой невозможно даже понять, идет ли речь об одном и том же человеке или о совершенно разных.

Среди бунтарей оказались и военнотруженики: капрал Михаил Перевалов, солдат Дементий Коростелев; казаки: Герасим Березнин, Григорий Волынкин, Петр Сафронов, Василий Потолов и помянутый уже разжалованный шельмованный казак канцелярист Иван Рюмин. Из присыльных арестантов (матросов): Андреянов, Лапин, Василий Семяченков.

«Промышленники»: Иван Лапин, Логинов, Шабаетов, великостужинский купец Федор Костромин. Одинокое Иван Попов, посадский из Соликамска Иван Кудрин. Секретарь убитого коменданта Большерецка Спиридон Судейкин. Штурман Максим Чурин. Штурманские ученики Герасим Измайлов, Дмитрий Бочаров, Филипп Зябликов.

Коряк Брехов, алеут Захар Попов, камчадалы Сидор Красильников, Ефрем Иванов и Паранчин.

Семь женщин: две работницы штурмана Максима Чурина и его жена; жена Дмитрия Бочарова, жена Алексея Андреянова, жена Рюмина и жена Паранчина.

Были и старики — «секретный арестант» Александр Турчиных и Иосафат Батулин, и подросток — тринадцатилетний сын священника Ичинского прихода Ваня Уфтюжанинов.

Освободив кувалдами и ломачами вмерзшее в лед судно, люди набились вповалку на «посудину», куда и сорок человек едва вмещалось. И бесстрашно отправились искать счастья в далеких краях. На судне, назначенном больше для каботажного, прибрежного плавания, вышли в океан — на авось, презируя все превратности судьбы. На случай неожиданных встреч были заготовлены разные флаги.

Самые молодые, беспечные, должно быть, только что не приплясывали, не ведая, что получится дальше, не зная, куда и зачем плывут на этой большой лодке по волнам Великого океана.

«Святой Петр» был казенным гальотом. Галиот, или гальот — небольшое судно, тип голландских кораблей XVII столетия, короткий парусник со сферической кормой, небыстроходный, водоизмещением в 200–300 тонн. Длинной по килю — 17, шириной — почти 6 метров. В 1791 году в русском флоте было 70 гальотов. «Святой Петр» был военным, в мирное время грузовым судном. Строился в Охотске. Спущен на воду в 1768 году. Принадлежал Сибирской военной флотилии. На «Святом Петре» 12 сентября 1770 года были доставлены из Охотска на Камчатку ссыльные Мориц Бенёвский и Август Винблан.

В дни мятежа в Чекавинской гавани стояли два гальота: «Святой Петр», командиром которого был штурман Максим Чулин, и «Святая Екатерина» под командованием штурманского ученика Дмитрия Бочарова. Повстанцы выбрали лучший из двух гальотов. К тому же «Святая Екатерина» больше вмерзла и дальше стояла от чистой воды. Но беглецы взяли с собой и ее командира — Бочарова.

Повел гальот штурман Чулин, Бочаров стал его помощником. Опытных матросов среди беглецов было достаточно.

Такой картина предстает по документам. В мемуарах Бенёвского и в романах, написанных на основе его мемуаров, все выглядит более красочным и романтичным. В романе «Покоритель Красного острова» несуществовавшая на Камчатке дочь Нилова Афанасия, «облокотившись рядом с Морисом-Августом на рулон канатов на корме, смотрела, как, уменьшаясь, тонет в океанской дали родной берег». Убит отец Афанасии, две

ее сестры-сиротки остались там, в опустевшем остроге. Им дали выпить «микстуру успокоительную, снотворную».

Позади бои за освобождение, взятие приступом крепости — на ее валах много солдат погибло. Сопrotивление «канцлера и гетмана» подавлено. Гетман — вероятно, командир взвода казаков. Канцлер (chancelier) — по-видимому секретарь Нилова Судейкин. В действительности у него по «Табели о рангах» был чин тринадцатого класса, второго снизу.

«СВЯТОЙ ПЕТР»

ПЛЫВЕТ К НЕВЕДОМЫМ КРАЯМ

Плыли люди из разных сословий, из разных областей России, волей или неволей попавшие на Камчатку. И думали все по-разному. Пестрота состава сказалась быстро. Уже через несколько дней разбились на группы.

Из простых большинство даже и не участвовали в бунте, они стихийно были вовлечены в это далекое путешествие. Нужны они были на корабле и как знатоки морского дела, и просто как здоровая рабочая сила. Мало ли чем пригодятся в столь дальнем странствовании по морям сильные матросы с грузовых судов купца Холодилова и охотники-камчадалы. Отправлялись-то в плавание на авось, по нехоженным морским путям, на счастливый случай. О чем думали они, эти люди? Волны Великого океана омывали сотни цветущих островов с благодатным климатом, с плодоносной землей. Но вряд ли пассажиров «Святого Петра» влекли морские дали. Бегство в неизвестность удручало. А может быть, лучше будет где-то там... К тому же им внушили, что они исполнят дело государственной важности, поручение законного государя России Павла Петровича. Бенёвский все показывает зеленый бархатный «куверт», будто бы за печатью великого князя Павла Петровича, который пишет императору римскому о своем желании вступить в брак с его дочерью. Только какое дело работным людям Камчатки до римского императора!

Отправляясь к неведомым, чуждым землям, понимали они всю тягостность разлуки с родиной, судьбину вечных изгнанников? Не оглядывался на север разве что Ваня Уфтюжанинов, поповский сын, воодушевленный рассказами Хрущова

и Бенёвского о чудесных странах там, за тусклым горизонтом прикамчатских вод...

Ваня Уфтюжанинов (его фамилия пишется в документах по-разному) был, наверно, готов к самому дальнему плаванию. Не пугали его лишения на море — о них Ваня уже слышал. А неизвестность, она-то и влекла. Он, широко открывая глаза и рот — еще по детской привычке, — ждал невероятного, необычайного. Того, чего нет в его жизни, в его родном краю, чего он еще не видел, не знает, что найдет там. А что это будет, Ваня не может себе представить. Это и чудесно.

К чему приведет плавание под командой человека, который называет себя «пресветлейшей республики Польской резидент и Ее Императорского Величества Римского камергер, военный советник и регементарь!» (Так расписался Бенёвский, не желая подводить под суд служащих в остроге, на множестве квитанций о взятии денег, боеприпасов, провианта и оружия со складов казенного имущества).

Бенёвский повел гальот вдоль Курильских островов. Настоящей штурманской карты у бунтовщиков не было. Отличные штурманы Чурин и Бочаров кое-как вели судно по зарисовкам Хрущова с книги о плавании англичанина Ансона «Путешествие около Света, которое в 1740, 1741, 1742, 1743 и 1744 гг. совершил Лорд Ансон, Санкт-Петербург, 1751, 33 карты, планы, виды».

О плавании Ансона переводчик Академии наук В. Лебедев писал в своем предисловии: «На такие предприятия смотрели тогда люди с изумлением, и отважившихся на толь далекий и толь многими опасностями соединенный путь называли либо безумными, либо дерзостными и отчаянными людьми, которые свой живот ни во что не ставили...».

Эту книгу Хрущов и Бенёвский читали еще в Большерецке и не раз вспоминали ее потом. Это она дала им первую мысль бежать, искать счастья на чудесных островах Великого океана, о которых с таким увлечением писал Ансон, свободный путешественник. А им, мятежникам, они предчувствовали, придется дорого расплачиваться за вольное плавание. И не ошиблись. За голову каждого из них правительство назначило награду — двести рублей тому, «кто ково из них приведет живым или мертвым...».

Начались разногласия. Многие из свободных, не ссыльных, задумались: куда плывем? Штурманские ученики Герасим Измайлов, Филипп Зябликов и матрос Сафронов решили при первом же случае — лишь только выйдут бунтовщики-пассажиры на берег — обрубить якорь и вернуться на Камчатку. К ним примкнули камчадал Паранчин и еще десятеро.

Предчувствие самых неожиданных новых замыслов Бенёвского, который вдали от России оказался совсем другим человеком, пугало их. Бейпоск, как они звали его, стал капитаном. Со штурманами и ссыльными офицерами Бенёвский еще считался. С простым людом повел себя как диктатор. Кое-кому из беглецов уже милее стали те теперь далекие края России.

Матрос Алексей Андреев выдал заговорщиков. Бенёвский строго наказал плетью всех, а главарей — Измайлова, Зябликова и Паранчина с женой — положил ссадить на необитаемом острове Курильской гряды с небольшим запасом ржаной муки.

На пятый день плавания «завидели большой остров и дошли до него 18-го числа». Остров оказался необитаемым. Здесь «производили печение хлебов... и шили флаги и вымпел аглинские»⁹³.

Здесь Бенёвский и ссадил с гальота первых «заговорщиков». Не скоро обнаружило горемык русское промысловое судно. Наголодались, пока вернулись на Камчатку.

Пройдет семь лет, и о начальном этапе плавания камчатских бунтарей Герасим Измайлов расскажет Джеймсу Куку. Измайлову повезло. Взяв в расчет непокорство Измайлова Бейпоску, Екатерина отпустила штурману его невольную вину. В 1778 году Герасим Измайлов на острове Уналашка встретился с Куком, корабли которого обошли берег Аляски и Чукотки.

В Петербурге еще ничего не знали о бунте и захвате казенного судна. Только к концу года дошли сторонними путями вести туда.

«Рескрипт к иркутскому губернатору, Брилю. Уведомились мы посторонне, что будто находящиеся в Камчатке ссылошные люди в конце прошедшего апреля учинили возмущение и, составя между собою самопроизвольную присягу, убили тамошнего

93 [Рюмин И.]. Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским. — СПб.: Тип. Греча, 1822. — С. 11–12.

воеводу и весь город разграбили; а потом спустя несколько дней, сев на звероловные тамошние лодки, отправились в море числом до семидесяти человек...

Мы хотя не имеем еще никакова о том известия ни от вас прямо ни через другие наши правительства однако ж... на всякой случай занужно мы рассудили... вам предписать нижеследующее. 1-е, Ежели в тамошнем столь отдаленном крае по сие время замешательство не пресеклось и спокойствие и повиновение не восстановлено, то вам надлежит употребить все удобь возможные средства и способы... восстановления порядка и повиновения... 2-е, Ежели же ссылочных заводчиков бунта и убийства инако невозможно будет вам достать в свои руки... что каждый кто ково из них приведет живым или мертвым в награждение получит двести рублей, и оное действительно исполнить... из наличных сумм нашей казны. 3-е, но ежли они, как выше сказано, в море отправясь... не возвратились... надлежит их оставить собственному разврращенному их жребию, а старайтесь... разграбленный ими город привести в порядок... дан в С. Петербурге 1-го числа генваря 1772 года».

На полях бумаги «собственную Ее Императорского Величества рукою подписано тако «Очень хорошо»» (л. 26).

Бунт в Большерецке был в апреле. «Об оном из Большерецкой канцелярии в Охотск репортовано июня 13-го. В Охотске репорт получен июля 9-го, а из Охотска в Иркутск репортовано августа 26-го, в Иркутске получено 13-го декабря, из Иркутска в Сенат репорт послан от 16-го декабря, а здесь получен февраля 7-го числа» (л. 34).

Долго тянулась тогда дорога, еще дольше — чиновная волокита. Больше чем за месяц до «репорта» Большерецкой канцелярии в Петербурге «уведомились посторонне» о бунте. Также «посторонне» узнали там и все обстоятельства бунта. И уже готовили указы. Полковник Плениснер, «получа означенный репорт из Большерецка, до 21-го числа августа никуда... не репортует, а по законам де надлежало того ж дня послать репорт в главную команду, а оттуда б де представили в Сенат и до Государыни, оттуда б де какие ни есть меры взять бы велено было о показанных злодеях» (л. 34).

«Поп Уфтюжанинов за то, что он бывши в Большерецке свел с показанными злодеями Бейспоском и другими подобными

ему преступниками не только знакомство и дружбу, но и оставил у ссыльного в полной власти, в научении сына своего... что он в злом того Бейспоска намерении не был ли соучастник; сие сумнение утверждалось и тем что сын его с оным Бейпоском бежал... По законам достоин наказания».

Но настолько тогда было велико обаяние личности Бенёвского — даже заочно, по слухам и рассказам о его отваге, о его уме и просвещенности, что петербургские власти нашли смягчающее обстоятельство вине священника Уфтюжанинова. Ведь под влиянием образованности, учтивости, светскости «реченного злодея» он и отдал-то своего сына «в научение Бейспоску по любви родительской». Тем более что «по отдаленности того повета иного способа к научению не имеется». Поэтому «из единого Ее Императорского Величества милосердия от положенного законами наказания избавить и из под караула освобождая отпустить». Ведь и «самая его с злодеями непростительная дружба и обхождение разлучила его с сыном может быть вечно» (л. 408).

ПЕРЕПОЛОХ В ЯПОНИИ ЛЕТОМ 1771 ГОДА

Из тринадцати гальотов Сибирской флотилии (строились с 1739 до 1805 года) лишь «Святой Петр» проплыл тысячеверстное расстояние. Девять разбились в бурю у своих же берегов, один выброшен на берег, и только два разломаны за старостью. А «Святой Петр» вышел на большой океанский путь — первое русское судно в южных морях.

Насколько смелы и опытны были штурманы, можно судить по этому плаванью утлого суденышка в просторах Великого океана. Суденышка, набитого до отказа беспомощными в море людьми — стариками, женщинами, армейцами, уверенно знающими только пеший и конный строй, но не подготовленными к такому плаванью, когда даже ради выпечки сухарей надо высаживаться на неведомых островах и вступать в бой за право разводиться костры.

Мало воды на корабле. Хлеба и сухарей нет. Ели муку. В ночь на 3 июня гальот попал в сильный шторм. Уложенный второпях груз сдвинулся, и судно чуть не опрокинулось.

Плыли на юг, к Японии. А десятью годами позже шестнадцать японских рыбаков, унесенных бурей, в тех же местах плыли на север и после многих мытарств и кораблекрушения у Алеутских островов оказались нечаянными гостями в России, в Петербурге. Кормчий судна Дайкокуя Кодаю вел заметки, и на их основе писатель Ясуси Иноуэ в наши дни написал документальную книгу «Сны о России».

Ясуси Иноуэ сравнил эти два плавания. «Святой Петр», пишет он, «плыл не по воле судьбы». Напротив, в этом случае судьба подчинялась воле человека, решительно сжимавшего румпель. Следовательно, это было плавание в истинном смысле этого слова, но по результатам оно не столь уж отличалось от блужданий по морю, которые довелось испытывать Кодаю... Должно быть, море так разгневалось на Бенёвского, что спустя десять лет решило выместить свой гнев на Кодаю и его спутниках, занеся их на край земли в сторону, противоположную той, куда плыл «Святой Петр».

«Святой Петр» плыл все дальше на юг вдоль восточных берегов Японских островов и в начале июля пристал к острову Осима (архипелаг Рюкю), чтобы пополнить запасы пресной воды и топлива.

Остров. Японский. С берега машут руками: не подходите! Кое-как объяснили: голландцы, плывем в «Нангазаки» [Нагасаки]. Знали — только голландцев принимают в Японии. Те не поверили и к берегу не пускают. А потом «чиновные японцы» поднялись на галют и провели его в бухту, привезли на лодках воду и пшено в бочонках. Но и от берега не пускают. Явно ждут откуда-то распоряжения. Только холостые пушечные выстрелы открыли выход из бухты. Хлебов так и не напекли, сухарей не наготовили. «Японцы хотели нас полонить или убить до смерти, как то они есть идолопоклонники и крестоненавистники».

Только 20 июля начали выпекать хлеба и сушить сухари на другом японском острове — под охраной своих пушек, которые здесь оказались ненужными. Жители «так до нас были ласковы, как бы уже с нами многое время жили»⁹⁴. Тут беглецы пробыли до 31 июля. Рюмин называет жителей усмайцами. Пишет об

94 Записки канцеляриста Рюмина... — С. 21, 27–28.

их жизни и о природе острова — может быть, впервые в европейской литературе. Остров называется Башинским. Это Такара-Сима [остров Южной Японии].

Встречи в Японии далеко не всегда были такими дружелюбными. Пышные празднества в честь Бенёвского, подробно описанные в его мемуарах, могли казаться сколько-нибудь правдоподобными только европейским читателям XVIII столетия, которые не очень-то представляли себе отношение японцев к иностранцам.

Вряд ли кто-нибудь на «Святом Петре», включая Бенёвского, знал о переполохе, который возник в Японии. Бенёвский действительно был виновником этого переполоха, но совсем не так, как он описал это в своих мемуарах.

Иноуэ пишет: «Воспользовавшись стоянкой, Бенёвский вручил одному из местных жителей письмо, адресованное проживавшим в Нагасаки голландцам, в котором предупреждал об угрозе проникновения России на юг. Так странным образом Бенёвскому удалось оставить свое имя на какой-то из страниц истории Японии»⁹⁵.

Другой наш современник, американский исследователь Дональд Кин, изучил японские документы, а в голландских архивах нашел шесть писем Бенёвского.

«Рассказ Бенёвского о празднествах, устроенных в его честь, о его философских диспутах с просвещенным японским монархом и об утонченных манерах и обычаях жителей этой страны мог бы сам по себе внушить подозрение, принимая во внимание наши сведения о том, как обычно обращались японцы с иностранцами. Но, кроме того, сохранились точные доказательства лживости всего рассказа...

Гавань, где бросил якорь Бенёвский, находилась в юго-восточной части Японии, в Ава. Местный князь, стремясь поскорее избавиться от незваных гостей, снабдил их достаточным количеством риса, воды и соли. Он принял также и с оказией переслал сёгуну два письма на немецком языке, адресованных директору голландской фактории в Нагасаки. Бенёвский... на этот раз перевоплотился в офицера военно-морского флота Ее Величества римской (т.е. австрийской) Императрицы и обратился

95 Иноуэ Ясуси. Сны о России. — М.: Наука, 1977. — С. 25–26.

к голландцам... Очевидно, он надеялся на посредничество голландцев перед японским императором, с тем чтобы остаться в Японии на срок, достаточный для заключения какой-нибудь выгодной торговой сделки... После краткой остановки у берегов соседней провинции Тоса он бросил якорь в Осима, к югу от острова Кюсю.

Из Осима Бенёвский послал директору голландской фактории еще четыре письма. В трех письмах он благодарил за провиант, полученный от японцев в Ава и Осима. Четвертое, последнее и неизмеримо более важное послание получило впоследствии широкую известность в Японии как пресловутое «предостережение Бенёвского».

Вот несколько строк из этого послания, адресованного «господам офицерам славной республики Нидерландов»: «...высокое уважение, которое я питаю к вашему славному государству, побуждает меня поставить вас в известность, что в этом году два русских галиота и один фрегат, выполняя тайный приказ, совершили плавание вокруг берегов Японии и занесли свои наблюдения на карту, готовясь к наступлению на Мацума [Хоккайдо] и прилегающие к нему острова, расположенные на 41° 38 северной широты, наступлению, намеченному на будущий год. С этой целью на одном из Курильских островов, находящемся ближе других к Камчатке, построена крепость и подготовлены снаряды, артиллерия и провиантские склады... 20 июля 1771 года».

Дональд Кин пишет, что «в дальнейшем, на протяжении долгих лет, письмо Бенёвского служило пищей для размышления многих серьезных людей в Японии. В самом деле, благодаря его «предостережению» в Японии по-новому были поставлены военные проблемы... Внезапно обнаруженная угроза безопасности Японии требовала коренного изменения стратегии и служила серьезным аргументом в пользу усиления военных приготовлений».

«Предостережение» Бенёвского встревожило японцев, которые до тех пор не помышляли о такой серьезной угрозе. В 1791 году японский ученый Хаяси Сихей в книге «Военные беседы для морской страны», ссылаясь на Бенёвского, утверждал, что главная угроза исходит от России. По словам Кина, это

«самая значительная из книг, обязанных своим появлением тому волнению, которое вызвал визит Бенёвского».

Теперь нам понятнее становится то недоверие, которое проявляла Япония к России в конце XVIII и начале XIX столетия. Тем более, что «разоблачения» Бенёвского стали известны и при европейских дворах и оттуда докатывались до Японии, снова усиливая тревогу.

Дональд Кин недоумевает, зачем нужно было Бенёвскому сообщать столь «фальшивые сведения». «В недостоверности их не может быть ни малейшего сомнения. Далекие от каких-либо агрессивных замыслов в отношении Японии, русские напрягли все усилия, чтобы сохранить свои тихоокеанские владения»⁹⁶.

В. Канторович в книге «По Советской Камчатке» (Москва, 1931) писал: «Авантюристы никогда не имеют заранее составленной программы действия. Они действуют по наитию. Так поступал всю свою бурную жизнь Бенёвский. В Японии он, видимо, на один момент решил пойти по проторенной дороге всех бунтарей-казаков: умиловать московского царя новыми завоеваниями для его короны. Он попытался с японцами держать себя царьком, обложить береговых японцев налогом. Наткнувшись на сопротивление, ослабленный бунтом на собственном судне, Бенёвский тут же меняет ориентацию. Он посылает японскому правительству письменное сообщение. Он обещает раскрыть захватнические планы московского царя в отношении Японии».

...А на «Святом Петре» и не подозревали о переполохе. Он плыл дальше, на юго-запад, через Восточно-Китайское море.

ЗЛОСЧАСТИЯ КАМЧАТЦЕВ ПОД ЮЖНЫМ СОЛНЦЕМ

Седьмого августа показалась Формоза (Тайвань).

Встреча с ней принесла только несчастья. Больше недели искали удобного причала. 16-го к гальоту подплыли две лодки — лоцманы, провели в бухту. 17-го поручик Панов с командой

96 Кин Д. Японцы открывают Европу, 1720–1830. — М.: Наука, 1972. — С. 35–39, 41, 44, 49–50.

отправились за водой. И вдруг у самого берега нападение. Убиты Панов и Иван Попов, смертельно ранен Логинов. Лапин, Казаков и Кудрин ранены стрелами. В отместку убили нескольких «нехристей» в лодке, сожгли их хижины. И 21-го снялись с якоря.

Поручик Панов. Удивительный человек! Это он, желая спасти Бенёвского, ранил большеецкого коменданта. Это он, видимо, написал в конце заявления сенату: «...народ коснеет в невежестве и страждет, и никто за истинные заслуги не награждается... камчатская земля от самовластия начальников разорена». Это о нем потом на следствии доносили: «Степанов и Панов рассуждали на палубе о том, каким бы образом освободить жителей Камчатки от грабительств и жестокостей местного начальства».

Похоронили Панова, Попова и Логинова на берегу чужой земли.

В жестоком шторме двое суток держались в Тайваньском проливе. К счастью, 1 сентября наткнулись на китайскую лодку. По словам Рюмина, китайцы заботливо провели гальот в удобную гавань около города Тасон — так европейцы называли китайскую гавань Чжан-Чжоу. Оттуда по большой морской дороге мимо Кантона с помощью лоцманов-китайцев 12 сентября прибыли в Макао, где застали 20 европейских судов.

Русское правительство потеряло из виду своих взбунтовавшихся подданных. Через год, однако же, дошли сведения о пребывании беглецов в Макао. Иркутский губернатор кавалер Бриль в «Реляции Ее Императорскому Величеству августа 31 дня 1772 года» так доложил «о ушедших из Камчатки в море злодеях»: Возвратившийся «из китайского государства... пограничный комиссар Игумнов... в столичном китайском городе Пекине... слышал от миссионера Августина, что еще прошедшего лета к полуострову Манако пристал корабль; на нем капитан говорит по-латыни, всех с ним людей около ста человек, и сказывают о себе, что они... прибежали на том судне от реки Амура для торговли... и в самом деле имея пушин привезли немало и товару российского, но какой именно товар, сколько пушин и как зовут капитана, о том он Августин и сам неизвестен; но будучи в Макао из них тот капитан и с ним шестнадцать человек померли, а оставшие принимают намерение тут поселиться... о сем

рабски донеся, почитаю вышеписанных людей за тех самых злодеев, которые учинили побег из Камчатки» (л. 1).

В Макао стоянка была долгой, вокруг всё чужое: субтропическая природа, кипение людного мирового порта.

Вначале россияне удивлялись, нахвалиться не могли радушию португальцев. Все они с борта гальота были свезены на берег и помещены в приготовленный для них дом. Губернатор доставил съестные припасы в изобилии, невиданные фрукты, табак.

По вдруг выяснилась причина: Бенёвский продал губернатору гальот со всем такелажем и вооружением.

Камчатские странники и раньше не очень доверяли Бенёвскому, но не могли ничего переменить. Не знали, что делать. Василий Панов погиб, Батулин стар, измучен плаванием. Хрущов не вмешивался. Ипполит Степанов бессилён был в одиночку справиться с Бенёвским, единственным человеком здесь, знавшим, чего он хочет.

Теперь Бенёвский чувствовал свою силу в городе на перекрестке морских дорог. К тому же только он мог толком объясниться с губернатором Макао — на латыни. Ему ли, воспитаннику Венской военной академии, не знать латынь! Было у Бенёвского и ещё одно оружие, по тем временам очень действенное и открывавшее перед ним многие двери. По мнению польских историков, он был масоном.

Против Бенёвского восстали почти все. Степанов подал через голландских агентов жалобу в Кантон китайскому правительству, с которым у России были дипломатические связи. Но Бенёвский сумел доказать губернатору Макао свои полномочия на продажу и пушнины и гальота, недовольство спутников объявил бунтом экипажа против капитана.

Команда гальота была посажена в тюрьму. Беда одна не приходит. В Макао, в непривычном климате, умерли пятнадцать человек — может быть, не столько от лихорадки, сколько от удручения. Умерли штурманский ученик Зябликов и штурман Максим Чурин, оставшись без корабля на неведомой земле. Умер Турчанинов, старый камер-лакей Анны Иоанновны.

Через 35 лет русские моряки в этих же жарких широтах плыли без смертей, даже без массовых заболеваний. В Петербурге полагали, что россияне ещё не приспособлены для плавания в южных морях, хотели пригласить английскую команду на корабли

Крузенштерна. Но он настоял, и без потерь, без болезней, без аварий и без порчи разнообразного груза обошел кругом света.

Давно замечено: в полках, успешно наступающих, у победителей и раны быстро заживают, и больных мало. Но камчатцы и до того вряд ли чувствовали себя победителями, а теперь, утратив корабль, последний клочок родной земли, совсем растерялись. Без языка, не понимая чужой жизни, не видели для себя и места в ней.

Впереди был Индийский океан, его острова — Иль-де-Франс и Бурбон, как их тогда называли. Камчатским бунтарям предстояло, первыми среди российских людей, ступить на их землю.

Правда, именно тогда, в 1771 г., рождалась легенда, что там, на этих островах, задолго до бунтарей не только побывала, но и прожила немалую часть своей жизни женщина, которая была матерью российского императора. Эта женщина — мать Петра II, царствовавшего с 1727-го по 1730-й год, и жена царевича Алексея, казненного Петром I Софья Шарлотта, дочь герцога Людвиг Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Родилась в 1694 г., вышла замуж в 1711-м, а умерла в 1715-м.

По этой легенде, Шарлотта не умерла в России в 1715 году, а бежала от своего мужа в Северную Америку, в Луизиану. Там вышла замуж за французского офицера д'Обана, переехала с ним в Париж, а затем поселилась на острове Иль-де-Франс — или, как говорится в других книгах, на острове Бурбон. Там жила много лет, овдовела, потеряла дочь. Затем, уже в конце сороковых или в начале пятидесятих годов XVIII столетия, вернулась в Париж, обосновалась на Монмартре. По другим сведениям, в Брюсселе. Жила до глубокой старости, всегда инкогнито. И все-таки ее то и дело узнавали. И в 1760-м году, и в 1768-м. Рассказывали о ее новых мужьях. Видели и ее слуг, и среди них — слугу-негра. Недостатка в очевидцах не ощущалось.

Тем временем эта мать русского царя, несчастная женщина, брошенная своим первым и единственным мужем и умершая в Санкт-Петербурге, когда ей было всего двадцать один год от роду, с конца 1715 года мирно покоилась в склепе Петропавловского собора.

А легенда о ней по какому-то совпадению зародилась одновременно с появлением камчатских бунтарей в южных морях.

В книге, где впервые появилась эта легенда, стоит авторская дата — 1771 год (хотя книга вышла шестью годами позднее)⁹⁷. Другой рассказ опубликован еще позже, но составлен тоже в 1771 году⁹⁸.

Так невестка Петра I, доказывая верность заветам своего свекра, легко и незатейливо перелетала с материка на материк, на встречу камчатским бунтарям.

Но им путешествие давалось совсем не столь просто.

РОССИЯНЕ ВПЕРВЫЕ ПЕРЕСЕКЛИ ЭКВАТОР

В начале 1772 года путешествие возобновилось. Бенёвский зафрахтовал в Кантоне два французских корабля — «Ле Дофин» и «Ле Ляверди» — для плавания до Порт-Луи, на юге Бретани. В начале января 1772 года беглецы сели в китайские джонки и доплыли до Кантона. Там погрузились на корабли и отправились во Францию.

Вот как пишет об этом сам Бенёвский в «Путешествиях и воспоминаниях»: «10-го [декабря 1771 г. по новому стилю] я собрал всех моих спутников и предложил им грузиться на французские суда, чтобы вернуться в Европу. Они согласились и подчинились полностью моим распоряжениям.

22 [января 1772 г.] мы заняли наконец-то два судна, первое было “Ле Дофин”, шестидесятичетырехпушечный корабль под командой дворянина и кавалера Сэнт-Илера, на борт которого я поднялся с половиной моих людей; второй корабль назывался “Ле Ляверди”, пятидесяти пушек, туда погрузилась другая половина. И мы подняли паруса к Иль-де-Франсу».

Из Китая к Иль-де-Франсу, как тогда назывался остров Маврикий, а затем к берегам Африки отправилось уже куда меньше камчатцев, чем их было на борту «Святого Петра».

97 *Bossu J.B. Nouveaux Voyages Dans L'Amerique Septentrionale (1778). — United States: Kessinger Publishing Co, 2009.*

98 *Grant C. The History of Mauritius, or the Isle of France, and the neighbouring islands. — London: W. Bulmer, 1801. — P. 308.*

Не хватало и Ипполита Степанова. В Макао произошла стычка между тремя ссыльными, которые были когда-то вместе привезены в Большерецкий острог. Степанов и швед Август Винблан выступили против Бенёвского и были посажены им в карцер. Но Винблан пошел на мировую — уж очень сроднились они с Бенёвским еще со времени побега из казанской ссылки в Петербург. Да и на родину швед поскорее хотел попасть. А со Степановым пошла уже открытая вражда. Много в действиях Бенёвского претило бывшему депутату российского дворянства.

Бенёвский описывал это так: «В этот день [10 декабря 1771 года], уступая извинениям и просьбам месье Винблана, я склонен был освободить его. Но так как я больше не мог доверять месье Степанову, который нарушил свое обещание и опять задумал возвращение, я заплатил ему 4 тысячи пиастров и предоставил ему идти, куда заблагорассудится. Он отправился в голландскую компанию, директор которой м. Лёрё, надеясь получить от него сведения о нашем плавании, принял его и отправил в Батавию».

Степанов остался в Макао. Вероятно, он действительно побывал в Батавии, а оттуда через восемь-десять месяцев прибыл в Лондон. Туда и пришел указ Екатерины:

«Указ нашему подданному Ипполиту Степанову. Усмотря из твоего нам чрез министра нашего при Королевском Великобританском дворе, статского советника Мусина-Пушкина представленного всеподданнейшего прошения, что ты во всех твоих прежде учиненных преступлениях имеешь чистосердечное раскаяние и с оным прибегаешь к монаршему нашему милосердию, восхотели мы призреть твое бедственное странствование, и вследствие того сим нашим указом всемилостивейше прощая тебя во всех прежних винах, повелеваем тебе явиться упомянутого нашего в Лондоне министра Мусина-Пушкина для обратного оттуда в отечество возвращения. Екатерина. В С. Петербурге 22-го ноября 1772-го года»⁹⁹.

Но как было Степанову вернуться? Ведь это он сочинил «Объявление» — обвинение Екатерине. Он говорил о бедствиях народных при ее царствовании. А может быть, Степанов

99 ЦГАДА. Дело о происшедшем в Камчатке в Большерецком остроге от посланных злодеев бунте... — Л. 480.

снова отправился в бесконечные странствования, не дождавшись «всемилодивейшего прощения». Известно одно — Степанов был в Лондоне в конце 1772 года. Указ Екатерины «возвращен из Лондона от полномочного министра Мусина-Пушкина» без отметки о смерти Степанова.

В плавании от Кантона к экватору умер Батурин.

О Батурине не раз вспоминала Екатерина II¹⁰⁰. Уже после его смерти писала о нем: «Что касается до Батурина, то замыслы его дела вовсе не шуточны. Я не читала после и не видала его дела; но мне сказывали наверное, что он хотел лишить жизни императрицу, поджечь дворец и, воспользовавшись общим смущением и сумятицею, возвести на престол Великого Князя. После пытки он был осужден на вечное заключение в Шлиссельбурге, откуда, в мое царствование, пытался бежать, и был сослан на Камчатку, а из Камчатки убежал вместе с Беньовским, по дороге ограбил Формозу и был убит в Тихом океане»¹⁰¹.

Екатерина назвала Батурина капитаном Бутырского полка. Сам он, по словам генерал-прокурора Вяземского, «именовал себя полковником артиллерии и кабинетским обер-курьером, чем никогда он не бывал. Что ж касается до ...заговорской тетрадишки, которая наполнена самыми пустыми, сумасбродными словами... жжечь»¹⁰².

В действительности Батурин был подпоручиком Ширванского полка. После разжалования и ссылки в Сибирь долго тянул солдатскую лямку, снова дослужился до подпоручика, теперь уже Шуваловского полка, размещенного под Москвой. И снова арест: «сумасшедший дворянин» пытался привлечь к участию в дворцовом перевороте мастеровых людей, за 25 лет до Пугачева поднимал народный бунт. Во время пребывания Елизаветы в Москве, летом 1749 года, Батурин, офицер полка, вызванного для умирения рабочих людей суконной фабрики Болотина, задумал с помощью солдат и мастеровых заточить Елизавету, убить Разумовского и возвести на престол Петра Федоровича — впоследствии Петра III. «Его высочество мог бы всякому бедному

100 См.: Сочинения Императрицы Екатерины Второй на основании подлинных рукописей. — С.-Петербург: Императорская Академия Наук, 1907.

101 Записки Императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Издание А.С. Суворова, 1907. — С. 58.

102 Русский архив. — Вып. 2. — М., 1864. — С. 182–183.

против сильных защищение иметь», — говорил Батуриин. Через 76 лет правнуки этих мастеровых бросали в приверженцев царя поленья и камни на Сенатской площади.

«Московский агитатор» — так назвали Батурина в одном из русских журналов в конце XIX века. «Агитатор» после «крепкого содержания» в тюрьме еще 16 лет, с 1753 до 1769 года, просидел «безымянным колодником» в Шлиссельбурге. Ночами в тюремном окне искал Батуриин звезду своего императора, чтобы говорить с ней. Он потерял надежду земными силами побороть социальную несправедливость. В 1768 году Батуриин, искатель правды в дворцовых переворотах, написал письмо Екатерине и за это по старинному пути колодников прибыл в Большерецк в 1770 году. Нашел ли он в тот свой последний вечер звезду императора на чужом, южном небе?

После смерти Батурина из русских офицеров с беглецами оставался только бывший лейб-гвардии Измайловского полка поручик Хрущов, да и тот, надо думать, не мог оказать большого влияния на ход событий. Ведь он не подписал «изменническое» заявление в сенат. Но перейти на службу Франции он, видимо, уже был готов, как и адмиралтейский лекарь Магнус Мейдер.

«Четвертого февраля мы перешли линию экватора». Это писал Бенёвский — значит, по новому стилю. Непривычная, тяжкая для россиян жара. Куда завели удадь и несчастье! На палубе смола закипала в пазах. Лекарь Мейдер еле успевал пускать кровь своим спутникам. В иные дни его просили об этом десять-двадцать человек.

ОГИБАЯ АФРИКУ, СМОТРЕЛИ ВСЁ НА СЕВЕР

Впервые так много российских людей вместе пересекли экватор. Что видели они в своем долгом пути? Что думали, встречая множество торговых и военных кораблей на этой столбовой морской дорожке?

Вряд ли их радовало море. Не вглядывались нетерпеливо вдаль, не бросались к бортам, чтобы увидеть чудеса океанов. Не искали глазами и очертаний выплывающей из океана земли.

На скольких языках раздавался в океанах ликующий возглас: «Земля!». Но во время этого первого путешествия русских по южным морям клич «Вперед земля!» не вызывал, верно, отклика в сердцах. Всё смотрели на север. Думали о России.

Бенёвский вел растерявшихся людей на запад. Безудержная энергия и богатое воображение воодушевляли его. Он задумал овладеть Формозой с помощью французского флота. Увез все архивные документы Камчатки и был уверен, что во Франции высоко оценят их и поднятый в русских приморских владениях бунт. Между Россией и Францией тогда была «сильная размолвка» в связи с разделом католической Польши и успехами России на турецких границах.

Плыли быстро. Попутный ветер держался почти весь путь до следующей стоянки — до острова, который в это время принадлежал французам и назывался Иль-де-Франс.

«16 марта живы и здоровы прибыли на Иль-де-Франс», пишет Бенёвский. Рюмин дает дату по старому стилю и говорит о Мориции [Маврикии]: «...Находились в пути марта по 6-е число, а того числа прибыли к городу Мориции благополучно, где и стояли на якоре по 24-е число марта ж».

Восемнадцать дней, тягостно долгих, стояли в ожидании отправления. Но ведь даже с борта корабля, тоскуя, болея, можно увидеть много неожиданного. А в записях Ивана Рюмина нет ничего. Иван Рюмин, шельмованный казак, бывалый, разбитной, грамотный, что же ты не всмотрелся на этом острове, не написал о том, что ты увидел? Безразличие к окружающему, подавленность от тягостных дум, сосредоточенность на одном. Зачем бежали, куда плывем! Так арестантские партии на дороге в Сибирь не осматривались в попутных городах, не вглядывались в Уральские горы, выбирая натруженными ногами место повнее.

Не до Маврикия было Рюмину. Виделось ему серое небо Камчатки и вставшие на дыбы вершины гор с открытыми жерлами, когда в борта корабля пахло ароматом Маврикия, теплым, душистым воздухом незнакомой жизни. Красота и богатство природы, изобилие плодов, груды фруктов на траве, орехи в половину тыквы и веселый говор на пристани — это, должно быть, так обидно, оскорбительно не похоже было на ту полуголодную

жизнь, вечные холода, злые лица начальников, унылое равнодушные молчавших товарищей.

Может, там, дома, и мечтал увидеть яркие краски юга, вдохнуть теплый, душистый воздух. А попал сюда — и ничего не увидел. Эта приятность жизни не нам назначена.

Крепко держали горести и заботы дня, не давали оглядеться. Рюмин видел этот чуждый и вовсе не нужный ему мир только применительно к своей дальнейшей судьбе и к судьбам товарищей. Смотрел и не видел, сосредоточенный на одной думе — как выйти из беды. Соразмерял свои вины с возможной карой. Примеривал слова раскаяния. Подыскивал объяснения, чтоб свалить всю вину на офицеров и Бенёвского. Казнят или только снова сошлют? А вдруг идохнуть дадут хоть сколько в России!

Хоть бы пять строк в «Записках» об отношении Рюмина и его товарищей к увиденному! Ведь в мелких замечаниях, в пророненных невзначай, необдуманых словах так хорошо угадывается душевное состояние. Как помогли бы нам эти строки протянуть мост через два с половиной века! Мост не только к тем людям, что плыли с Бенёвским, но и к русскому человеку того срединного слоя зажиточных мещан и мелких чиновников провинции.

«Записок» Рюмина не читали, да и теперь кто читает! Ими не воспользовался Крузенштерн. Не мог читать их и Головин перед своим плаванием, пленом в Японии. А ведь в «Записках» отмечена каждая чем-то примечательная стоянка корабля на всем пути. Есть там и морская карта плавания «Святого Петра» от Камчатки до Макао — никому тогда не известный маршрут. Карту составил Бочаров, а он был опытный штурман, об этом даже Кук писал. В «Записках» сказано об опасностях причаливания к неизвестным побережьям, о мелях, подводных скалах. О японцах и о столкновениях с ними. обстоятельно рассказано о состоянии здоровья русских плователей на разных широтах, что так нужно было Крузенштерну, когда он доказывал Адмиралтейству о пригодности русских к плаваниям в южных морях и отбирал первых матросов в рейс на Дальний Восток.

А история «Записок» Рюмина такова. Написаны они секретарем капитана Нилова Спиридоном Судейкиным по путевым записям Ивана Рюмина. В 1773 году «Записки» поданы вместе

с картой Бочарова русскому резиденту в Париже Н.К. Хотинскому. Он переслал их в Петербург. Оттуда «Записки», вероятно, передали иркутскому губернатору, ведавшему и Камчаткой. Там «Записки» могли быть полезны местным морякам. Так можно полагать. Достоверных сведений не нашлось.

В.Н. Верх (1781–1834), моряк, историк флота и морских географических открытий, приобрел в Сибири «подлинник сих Записок» и напечатал их под неполным названием (полное в полстраницы) в «Северном архиве» в 1822 году. «Записки сии сообщены нам почтенным В.Н. Верхом... который во время путешествия своего по Сибири приобрел подлинник сих Записок... Описание путешествия Рюмина хотя без излишних украшений должно предпочитаться роману, изданному самим Бениовским, или Бейпоском... В.Н. Берх в описании побега Бениовского (см. «Сын отечества», № 27 и 28 1821 года) достаточно опроверг все нелепые его выдумки, которые доселе почитаются у иностранцев историческими истинами».

Записки Рюмина и Судейкина хранятся в Архиве древних актов в Москве. В них достоверно, хотя и предельно кратко, передаются обстоятельства тяжкого плавания, голод, смерть товарищей, тоска по родине. Пребывание в Порт-Луи, в Париже и возвращение в Петербург.

Достоверность фактов в этих записках подтвердили все проверки Тайной канцелярии в Петербурге, да и исторические исследования. Хотя, разумеется, весь тон записок рассчитан на то, чтобы выразить властям свое раскаяние. Это вполне чувствуется даже в названии записок: «О развитии российского города, состоящего в Камчатской земле, называемого Большерецк, и о убиении тамошнего Главного командира, и о взятии находящейся тамо канцелярии и в ней Государственной денежной и ясашной казны, мягкой рухляди, также артиллерии с ее припасы, пороху, пушек и прочих воинских снарядов и других материалов. И о забрании в то время в полон несколько разных чинов людей, находившихся тогда в Большерецке с присланными в ссылку на житье польскими мятежниками и бродягами: венгерцем Бейпоском и шведом Винбландом, также и российскими бывшими капитанами Ипполитом Степановым и Васильем Пановым, да бывшим же полковником Асафом Бутурлиным, и бывшим же Петром

Хрущовым, крестьянином Григорьем Кузнецовым и прочими их согласниками: Охотского порта штурманом Максимом Чуриным, да бывшего купца Федора Холодилова, нанятыми к следованию в морской вояж на его судне на Алеутские морские острова для ловли зверей работными людьми и их прикащиком, тотемским посадским Алексеем Чулошниковым. И по учинении того о отбытии сих всех злодеев из Большерецка на поромах, по Большой реке, к состоящей близ моря так называемой Ченявинской гавани, и о взятии состоящего тамо, а прибывшего из Охотского порта, казенного морского судна, галиота, именуемого С. Петр. И о отправлении ж на том со всеми людьми в море, и о выходе в море, о бытии на разных островах и в разных городах и Европе, и что тамо происходило, також и какие на островах люди жительство имеют, в чем избилствуют, и где сколько времени судном стояли и что видели, и о прочем происхождении, даже до прибытия до острова португальского Маккао, а оттоль о следовании же на французских фрегатах Дофин и Дела-Верди до французских городов Мориции и Иллуриана, и о прочем; сочинено с собственных записок Ивана Рюмина, в городе французского владения, в порт Луи, что в малой Британии. В 773 году февраля 14 дня».

Из «города Мориции», писал Рюмин, «отправились марта 24-го числа и следовали морем благополучно мая по 4-е число, а того числа пристали к пустому острову для ловли черепах морских... отправились того ж мая 11-го числа до города французского Иллуриана [Св. Лаврентия], куда и прибыли 7-го числа июля, и пристав, переехали чрез залив в Порт-Луи...».

Вот и Франция. Лаконичнее некуда. Бенёвский в своих мемуарах сообщает подробнее. Говорит о стоянке на Мадагаскаре: «12 [апреля] мы бросили якорь на острове Мадагаскар, я сошел у форта Дофин. Губернатор Иль-де-Франса своими рассказами о некоторых особенностях этого огромного и прекрасного острова вызвал у меня желание ознакомиться и покорить его. Но, к сожалению, мое пребывание не было там долгим. 14-го я вернулся на борт».

Мыс Доброй Надежды обогнули, пишет Бенёвский, 27 апреля. И 18 июля были во Франции. «18 июля счастливо прибыли

к острову Санткруза. Тотчас как стали на якорь, я послал офицера к наместнику короля в Порт-Луи испросить его позволения мне и моим компаньонам остаться здесь; что было разрешено».

Записки Бенёвского и Рюмина можно как-то проверить и дополнить записями людей, встречавшихся с ними в пути. В гаванях, на стоянках, камчатцы, конечно, привлекали внимание: необычные пассажиры, непривычный вид, чудаковатое поведение, колоритный облик самого Бенёвского.

Обратил на них внимание французский офицер Клод Гюго (1741–1820), встретившись с ними 15 апреля 1772 года у мыса Доброй Надежды, в бухте Фолс-Бей. Его рукопись тех лет «Путешествие в Азию» сохранилась до наших дней и хранится в архиве библиотеки французского города Эврё.

«На корабле “Ле Ситуайен”, — записал Клод Гюго, — мы узнали о прибытии М. Бенёвского, одного из польских конфедератов, и его спутников, которые в Китае были взяты на корабли “Ле Дофин” и “Ле Ляверди”. Их трудный побег из Сибири через Камчатское море делает их записи об этом плавании крайне интересными; более того, они уникальны, поскольку русские еще не проникали до Японии».

ХОЧЕШЬ ДОМОЙ — ОТПРАВЛЯЙСЯ В СИБИРЬ

Путешествие, казалось, подходило к концу. В Порт-Луи, писал Рюмин, «определена нам была квартира, и пища, и вина красного по бутылке в день, и денег по некоторому числу из казны королевской, и жили мы в том городе Порт-Луи марта по 27-е число 1773-го года, и того восемь месяцев и девятнадцать дней».

Из тех, кто сумели живыми добраться до Франции, добрая половина решила вернуться в Россию.

Из «Записок» Рюмина: «А того 27-го числа марта [1773 года], испрося у вышеписанного венгерца Бейспоска о пропуске пашпорты, пошли из Порт-Луи в столичный французский город Париж [пешком 550 километров]; всего и с одной женщиной шестнадцать человек, а прочие, не хотя выехать в Россию, остались при венгерце... и пришли в Париж в апреле месяце...

явились к российскому резиденту г. советнику Николаю Константиновичу Хотинскому... 16 числа апреля подали к нему г. Резиденту Судейкин, Рюмин и Бочаров, сочиненный нами о путешествии нашем сей журнал, который приняв, отправил... в Россию по почте...».

Как они изложили дело Хотинскому, знаем из его письма генерал-прокурору князю Вяземскому 26 августа [6 сентября] 1773 года: «Сколько я с ними ни говаривал, всегда они мне одинаково твердили, что злодей Бениовский обманул их кувертом, который увидя запечатанный российским гербом, и около ононого выгрыдировано ж следующую надпись, собственная печать Его Императорского Высочества, послужило им то убеждением всему тому, что им насказано было; очень они усумнились только в дороге по последовавшему в Макао несогласию между Бениовским и Ипполитом Степановым, который им тогда рассказал, что все обман, как то и в приложенной тетради из письма того Степанова явствует».

Вовсе не бесхитростны были такие люди, как шельмованный казак Рюмин и камчатской канцелярии секретарь Судейкин. Если они и приехали такими на Камчатку, то там жизнь их многому научила. И прежде всего изворотливости, находчивости. Конечно, Бенёвский провел их баснями о высоком назначении этого «куверта». Но бунт на Камчатке назревал еще до приезда Бенёвского, который только ускорил его. Теперь беглецы валили все вины на Бенёвского.

Хотинский докладывал Вяземскому: «Наши люди, сведав о том [обмане], стали роптать и негодовать. Бениовский же, узнав о таком их неудовольствии, писал им письма под литерами А. В., стараясь их оными успокоить. Но как положили они не отдавать ему своего журнала, то он отнял у них оный сильной рукою, и грозя поморить всех в тюрьме, тем устрашал их; почему склонились они с ним ехать в Европу в надежде, что легче представится им тамо случай возвратиться в отечество»¹⁰³.

Хлопотать и ждать ответа из Петербурга пришлось несколько месяцев. Хотинский, свидетель мучительного ожидания, докладывал Вяземскому об этой тягостной для камчатцев парижской

103 Дело о происшедшем в Камчатке в Большерецком остроге от сосланных злодеев бунте... — Л. 95.

жизни: «...податели сего те самые несчастные люди, которые увезены были из Камчатки, и по человеколюбию Вашего Сиятельства ушастливились теперь возвратиться в отечество, всего их числом семнадцать человек, а имена их следующие.

1. Спиридон Судейкин канцелярист, 2. Дмитрий Бочаров штурманский ученик. Компании Тотемского купца Федоса Холодилова работные, и промышленники: 3. Кондратей Пятченин, 4. Яков Серебренников, 5. Иван Шибаев, 6. Егор Лоскутов, 7. Алексей Мухин, 8. Иван Казаков, 9. Коряка Егор Брехов, 10. Камчадал Прокопей Попов, 11. Козма Облупин, 12. Иван Масколев. Матрозы Охотского порта: 13. Василей Ляпин, 14. Петр Сафронов, 15. Герасим Береснев. 16. Казак Иван Рюмин служил за копейиста, 17. Жена последнего Любовь Савина [Саввишна].

Над всеми ими во время бытности их в Париже, имев власть и присмотр как за поведением их, так и в закупке нужного для пропитания их называемый Кондратей Пятченин, который первый ко мне явился с другими двумя своими товарищами... На покупку хлеба выдавал я Пятченину деньги, который был для них общий, для того, что хотя и определил я каждому по полутора фунта на день, были в артели их такие, которым определенная порция недоставала, а другим излишествовала...».

Екатерина, благосклонная к «русакам, любящим Русь», простила им бунт и бегство на казенном корабле — лишь бы меньше было огласки у себя и за границей. Писать, говорить как о бунте, так и о плавании было строго запрещено, в уверение чего вернувшиеся должны были целовать крест и Евангелие.

Прощение получено, но как теперь вернуться на родину? Больно путь неблизкий. Пешком, как до Парижа, не дойдешь. Но Хотинский добыл денег. Помог ему в этом Фонвизин, автор «Недоросля», служивший тогда по ведомству иностранных дел. «Вследствие дружеского письма вашего, — писал он Хотинскому, — не оставил я стараться о доставлении к вам требуемой суммы на отправление сюда известных людей и теперь на нарочной стафете отправляю к вам... кредит на восемь тысяч ливров»¹⁰⁴.

Хотинский дал на руки Кондратию Пятченину сопроводительную бумагу: «Я нижеподписавшийся даю знать всем, кому

104 *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений, 1775–1815. — М.: Наука, 1966. — С. 277.

о том ведать надлежит, что объявители сего все российские подданные возвращаются по высочайшей Ее Императорского Величества воле отсюда в Санктпетербург».

Все семнадцать человек были названы в этой бумаге. «Прошу всех до кого сие касаться может, оных россиян не токмо нигде не задерживать и везде безостановочно пропускать, но и в потребных случаях подавать им всякое возможное вспоможение, за которое при оказиях я должное признание оказывать не оставлю. Во уверение чего своеручно подписуюсь. Париж от 26 августа 1773 года. Н. Хотинской» (л. 139).

Как встретят в России беглецов, этих невольных, по их словам, мятежников противу ее императорского величества, вовлеченных «злодеем» Бенёвским, но одобрявших бунтарское «Объявление» Степанова и подписавших присягу другому императору России? Блудных сынов, заблуждавшихся подданных, казалось, нельзя было не принять благосклонно. Вся Европа уже прослышала о Бенёвском, вывезшем даже служебный архив с окраины России.

Шестнадцать мужчин и жена Рюмина отправились из Гавра на торговом судне «Маргерит» и 30 сентября 1773 года прибыли в Кронштадт. Оттуда — в Петербург. Казалось, путешествие из Камчатки домой на этом кончилось. Но получилось не так. Предстояло совершить обратный путь на Восток, уже посуху. Пересечь всю Россию на телегах и в санях. От палящего зноя вернуться к самой лютой стуже.

Екатерина решила вернуть «несчастных людей» на Камчатку и в Сибирь. Якобы по их собственному желанию. 2 октября Вяземский получил от Екатерины указ: «...И отобрав у них желание отправить каждого в то место куда сам изберет, есть ли б же всё желали ехать паки на Камчатку, тем бы и лутче, ибо их судьба была такова, что прочих удержать от подобных предприятий» (л. 93).

В Петербурге решили не оставлять этих беглецов в столице. Прямо держать их под арестом не было причин — ведь помилованы. А их естественные после долгого отрешения от России разговоры с петербуржцами вовсе не желательны.

И князь Вяземский уже 3 октября писал из Тайной экспедиции в Иркутск губернатору Брилю: «Ее Императорское

Величество в данном мне высочайшем за подписанием собственной руки указе повелеть соизволила известных вашему превосходительству беглецов из Большерецка штурманскому ученику Дмитрею Бочарову, матрозам Василью Ляпину, Герасиму Бересневу [перечисляются беглецы]... вины им отпустить и от всякого наказания из высочайшего своо милосердия в рассуждении их раскаяния и что они в сие преступление введены некоторым бездельником по сущей их простоте и невежеству... с тем однако ж чтоб их всех внутрь России, как-то в Москву и Петербург, никогда ни для чего не отпускать... и для учинения с ними объявленного по желаниям их определения к вашему превосходительству за присмотром отправлены, коим прогонные деньги из Тайной экспедиции до Иркутска выданы, тех же кои поедут в Охотск, покорно прошу приказать на дорожные издержки снабдить их из губернских доходов» (л. 144).

Так и сослали «по собственному желанию». Могли они разве противиться? Даже передохнуть в Петербурге не дали. Всех спровадили к «месту жительства» уже 5 октября. В спешке отправления беглецов отстал Петр Сафронов. Его отправили одного.

Путь вокруг Азии, Африки и Европы впервые проделала и русская женщина, Любовь Саввишна Рюмина. Океанами с Камчатки во Францию, пешком по французской земле до города Парижа, морями из Гавра в Петербург и на лошадях в Сибирь. В журнале «Русская старина» через сто лет писали: «Судейкин и Рюмин с женой пожелали жить в Тобольске, Бочаров в Иркутске, с увольнением от службы; матросам Ляпину и Березину назначено служить в Охотске; матросу Сафронову дана отставка, с тем чтобы он жил в Охотске или на Камчатке; прочим восьми рабочим Холодилова остаться в Иркутске, с приписью в купечество».

Так кончилась для этих семнадцати эпопея, длившаяся больше двух с половиной лет. Пятеро других умерли в Лорианском госпитале, неподалеку от Порт-Луи. Остальные остались с Бенёвским.

В «Деле о происшедшем в Камчатке от сосланных злодеев бунте» есть общий список беглецов «Святого Петра». Он называется «Ведомость коликое число отправилось из Камчатки на судне галиоте “С. Петре” с венгерцом Бениовским в морской вояж людей и кто именно из того числа кто где из них случаем

остались и померли». Там сказано, что «Иван Уфтюжанин» и еще десять человек «остались в команде Бениовского» (л. 96).

Эти сведения для ведомства давали, вероятно, те семнадцать человек, что вернулись в Россию. Розыск правительство России не предпринимало. Начинаясь «мятеж на Яике» — восстание Пугачева. Кому какое дело до оставшихся с Бенёвским одиннадцати подданных, бунтарей, не пожелавших вернуться. О других, о поступивших на службу враждебной тогда Франции, — Хрущове, Кузнецове, Мейдере — и не говорили.

Ваня Уфтюжанинов много лет странствовал с Бенёвским по всему свету. Может быть, был со своим учителем и до самой его смерти в 1786 году на Мадагаскаре.

НА МАДАГАСКАРСКОМ БЕРЕГУ

Безудержная энергия, пылкое воображение и удачливость звали Бенёвского к новым приключениям. Он уверен, что во Франции оценят и привезенный им архив Камчатки, и саму весть о бунте в русских приморских землях. А свой проект колонизации Формозы послал министру иностранных дел Франции герцогу д'Эгийону, заинтриговав его обещанием раскрыть тайны секретного трактата между англичанами и русскими о Дальнем Востоке (трактата этого в действительности не существовало). Сообщения Бенёвского были переданы морскому министру графу де Бойна, а тот доложил о них Людовику XV.

«Второго августа, — пишет Бенёвский, — я получил приглашение герцога Эгийона, доставленное мне государственным гонцом. 8 августа я прибыл в Шампань, где тогда находился министр, который принял меня с уважением, радушно, предложил мне вступить на службу его короля и пообещал дать в мое распоряжение пехотный полк».

Но вместо Формозы Бенёвского решили послать на Мадагаскар во главе «полка волонтеров».

В конце 1773 года они отплыли, сперва на Иль-де-Франс, а оттуда на Мадагаскар. В 1774 году высадились в северо-восточной части острова в заливе Антонжиль и построили в устье реки Антанамбалана, близ нынешнего города Маруанцетры, поселок и крепость Луисбург. В России писали о мадагаскарской эпопее

Бенёвского: «...в том же году [1773]... отправился на Мадагаскар, завел там селение, но после непрерывных ссор с природными тамошними жителями и с начальниками Иль-де-Франса возвратился в Париж. Министерство, удостоверившись в его шарлатанстве, отринуло дальнейшие его предложения...»¹⁰⁵.

Дальше произошло вот что: «Возвратясь в Порт-Луи 19 марта 1773 г., он [Бенёвский] убедил 11 человек следовать за ним в назначенную по воле короля морскую экспедицию. В том числе были священнический сын Уфтожанинов, бывший приказчик Холодилова Чулошников, два матроса: Андреянов [с женой] и Потолов и шесть бывших работников Холодилова».

По другим источникам, их было не 11, а 12 человек: «...с Беневским отправилось на Мадагаскар 12 человек россиан, но кто они таковы были и какой постиг их жребий, о том не мог я получить ни малейших сведений. Вероятно, сделались они там жертвой климата или свирепых жителей». Так писал первый исследователь судьбы бунтовщиков В.Н. Берх еще в первой четверти XIX века. «Проведя здесь более полутора года в беспрестанной борьбе как с жителями, так и с начальниками... Иль-де-Франса, решился наконец Беневский бежать также и отсюда».

Действительность была куда сложнее. Негоцианты и чиновники Иль-де-Франса видели в Бенёвском конкурента и противодействовали ему. Они считали восточные и северо-восточные берега Мадагаскара аренной своей коммерческой и колонизаторской деятельностью. Но всё же Бенёвскому удалось распространить свое влияние на довольно обширную прибрежную область.

Скудные сведения о жизни Бенёвского и его спутников на Мадагаскаре пополнились сравнительно недавно новыми документами. Опубликованы они были на Мадагаскаре. Это материалы французского капитана де Берюбе-Дюдемена, относящиеся к 1774 г.¹⁰⁶, — о торговле Мадагаскара с Европой, Индией, Южной Америкой.

На Мадагаскар плыли корабли за рисом, быками, драгоценным деревом — и «увы, также за черными невольниками», как

105 Дело о происшедшем в Камчатке в Большерецком остроге от сосланных злодеев бунте... — Л. 433.

106 *Mantoux Ch.G. Journal de Bérubé-Dudemène, capitaine du Bougainville, à Madagascar en 1774. 1774 // Bulletin de l'Académie Malgache. — Vol. XLIX (1971). — Tananarive, 1972. — P. 89–111.*

сказано в предисловии к этим документам. А туда доставляли кроме «синих и красных платков из тонкой ткани, зеркал разной величины и ножей различного применения» также бочки с порохом, ружья для местных вождей.

Основанный Бенёвским Луисбург стал одним из торговых портов Мадагаскара. «Там барон Бенёвский по указу короля Франции учредил торговый пункт», — говорится в предисловии к изданию документов. А «в те времена начальник торгового порта был жалован королем Франции чрезвычайными полномочиями, большими правами». Луисбург вскоре стали посещать торговые суда — и укрываясь от бури, и для несложных, легких починок судов. Влияние Бенёвского усиливалось. Вот одно из его писем: «Сего 16 июля 1774 в Долине Волонтеров... Жду с часу на час новой подмоги, новых войск для новых действий. Министр уже экспедировал мне солдат... Живу ныне в Долине Волонтеров. Воздух здоров, чувствую себя прекрасно... со всеми моими детьми-волонтерами. Вдохновленный их мужеством, уверяю их в моей признательности...».

Тут же приведены и два письма Бенёвского на мыс Доброй Надежды Першерону — капстадскому уполномоченному по делам короля Франции:

«Сего 20 июля 1774 в Луисбурге, Остров Дофин... Рекомендую господина Берюбе. Окажите содействие в его делах, нуждах и в случае, если он прибудет на борту судна, которым он командует, то прежде всего помогите ему в загрузке судна вином, мукой и тому подобным, что я приказал отнести в королевский счет».

«Луисбург, остров Мадагаскарский, 22 ... бря 1774. Господин Дюдемен, капитан частного судна, названного "Бугенвиль", по королевскому указанию выполняющий миссию на этом острове, получил наше дозволение плыть на Кап и сыскать продовольствие для нас... солония, сухари, вино мадеру и водку. Капитан получил от меня чек для этого в четыре тысячи и несколько пиастров. Чек пригоден только для закупок в магазинах... Барон де Бенёвский».

В этот раз провиант для отряда Бенёвского задержался надолго. «Бугенвиль», потрепанный бурей, отремонтированный кое-как в плохо еще оборудованном для починок Луисбурге, попал во вторую бурю. Прибыл на Кап лишь в феврале 1775 года.

Капитан «Бугенвиля» писал Першерону: «На мысе Доброй Надежды, сего 18 февраля 1775. Месье! Вчера я имел честь передать вам бумаги, которые господин барон де Бенёвский вручил мне при моем отплытии из залива Антонжиль, остров Мадагаскарский. В пути корабль дал течь. Я прибыл без припасов, без денег, без средств. Таково, месье, мое положение... Господин барон де Бенёвский... рекомендовал обратиться к вам за помощью в критических обстоятельствах, в какие я попал».

И «Бугенвиль» был полностью восстановлен «со всеми доступными воображению вниманием и заботами, прежде чем стать на рейде для отправления в море» — так написали капитан капстадского порта и глава плотников-корабельщиков 28 февраля 1775 года.

«КОРОЛЬ МАДАГАСКАРА»

Впечатляющий образ Бенёвского настолько захватил польского журналиста Аркадия Фидлера, что тот уже в 1950-х пытался найти на Мадагаскаре следы его деятельности.

«Выдающейся датой в жизни Бенёвского был день 10 октября 1776 года, когда мальгаша¹⁰⁷ с восточной и северной части острова признали его своим великим королем — ампансакабе. Поступили они так потому, что Франция в результате интриг губернаторов острова Иль-де-Франс решила отозвать Бенёвского, а дело его предать забвению.

Припоминаю факт, который значительно способствовал укреплению влияния Бенёвского среди мальгашей. Его мальгашские друзья распустили слух, будто Бенёвский — потомок влиятельного на Мадагаскаре королевского рода рамини. Будто он был внуком последнего короля, дочь которого некогда была похищена и привезена на Иль-де-Франс и родила там сына. Вот этим сыном и был якобы Бенёвский. Дружественные племена быстро подхватили эту весть (разумеется, сам герой не очень опровергал эти слухи), и, таким образом, культ предков был использован для укрепления дружбы мальгашей с Бенёвским»¹⁰⁸.

107 Правильней — малагасийцы.

108 Фидлер А. Горячее селение Амбинанитело. — М.: Молодая гвардия, 1959. — С. 39, 41.

Восхищался Бенёвским не только Фидлер. «Взгляды Бенёвского опередили его эпоху, а обращение с мальгашами было справедливее и лучше, чем обращение других европейцев, прибывающих на этот остров», — писал знаток истории Мадагаскара У. Эллис в 1859 году.

В результате противоречий с колониальными властями Ильде-Франса Бенёвскому пришлось покинуть Мадагаскар, и Франция отказала ему в дальнейшей поддержке.

Бенёвский провел почти целое десятилетие в Европе и Америке. Куда только не заносила его судьба в эти годы! Польша, Англия, Франция... Отправился в Северную Америку помогать колонистам в их войне за независимость... Близко познакомился с Бенджамином Франклином, да и другими интереснейшими людьми тогдашней Европы и Америки.

Но жизнь Бенёвского оказалась уже навсегда связанной с Мадагаскаром. Он снова вернулся туда. «В 1783 г. старался он составить в Англии компанию для заселения Мадагаскара и нашел пособие как там, так и в Балтиморе, куда ездил с женой, и в 1785 г. вышел с американского судна на берег в Мадагаскаре»¹⁰⁹.

На американском торговом судне «Интрепид» Бенёвский отплыл из Балтимора в октябре 1784 года (по пути был в Южной Америке). Создается впечатление, что жители тех мест острова, где он был десять лет назад, любили Бенёвского, уважали за отвагу. Его появление на берегу приветствовали выстрелами из двух пушек со стен выстроенной им крепости Луисбург. Выстрелы напугали капитана американского торгового корабля. Он решил, что с Бенёвским все кончено. «Интрепид» снялся с якоря и ушел в море. Бенёвский остался с небольшим запасом военного снаряжения и «незначительным конвоем», от которого через два месяца осталось только два человека. Все погибли от какой-то эпидемической болезни.

И все-таки Бенёвский предложил жителям вытеснить французов и избрать его правителем этого прибрежного района.

Бои с французами шли успешно, пока не иссякли боевые припасы, а главное, должно быть, поддержка малагасийцев. Отступая, засели в крепости, построенной Бенёвским.

109 Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге и о последствиях оною // Русский архив. — Вып. 1–12. — М., 1865. — С. 438.

Аркадий Фидлер рассказывает обо всем этом так: «В июне 1785 года Бенёвский с двумя десятками друзей снова прибыл на Мадагаскар. Восстанавливая после почти десятилетнего отсутствия дружеские отношения с мальгашами, Бенёвский принялся кропотливо создавать основы своего государства. Прежде всего он построил над морем вблизи Ангонцы и залива Антонжиль укрепленное селение. Правителям Иль-де-Франса он послал официальное сообщение о своем прибытии с уверенением, что готов сотрудничать с французской колонией и предоставляет ей преимущественное право поставки продуктов на остров. Французы не пожелали такой расстановки сил. Они выслали против Бенёвского отряд под командой капитана Ларшера. Поход его был удачен. Если на Мадагаскаре так и не образовалось государство под управлением Бенёвского, то в этом целиком повинен непредвиденный случай. Французская пуля сразила его в самом начале стычки. Это был удивительный каприз судьбы. Никто не погиб, кроме него, невластвовавшего короля Мадагаскара»¹¹⁰.

Странствующий по всему миру офицер, 30 лет державший в руках шпагу, был сражен пулей. Скорее всего французской. Может быть, шальной.

Но чьей бы ни была пуля, она сразила его наповал. Произошло это 23 мая 1786 года, в момент, когда Бенёвский в крепости Луисбург поджигал фитиль пушки, нацеленной на солдат Людовика XVI.

Шведский король Карл XII, пораженный пулею в висок, умирая, схватился за шпагу. Успел ли Бенёвский, уронив запал, выхватить клинок?

Убит паладин Барской конфедерации. Странствующий рыцарь трех континентов. Боец австрийской и польской армий. Да и баварской — в ее борьбе против гегемонии Пруссии. Призывавший к созданию европейского легиона для помощи молодым Соединенным Штатам в их борьбе за независимость. Исполнилось ему 45 лет.

Были рядом с ним в тот час два европейца и тридцать малагасийцев.

---

110 Фидлер А. Горячее селение Амбинанитело... — С. 40.

У Бенёвского остались дочери и Сюзанна, тихая и скромная польская панночка, с которой он когда-то обвенчался, не долго думая. Еще до русского плена, до Камчатки. Во времена Барской конфедерации, проезжая через селение Спиш, он заболел, лечился в гостеприимном доме небогатого шляхтича Геньского и женился на одной из его дочерей. Подходила ли блестящему графу эта сельская панночка? Вряд ли он нуждался в ней, когда искал бурных развлечений парижской жизни. Но она безотказно терпела его буйный нрав, сопровождала во всех странствиях — в тех, куда он ее брал с собой. Рожала ему детей. Сыновья умирали: один — в Польше, когда Бенёвский был в русском плену, другой — на Иль-де-Франсе. Девочки выжили.

Ну а главное, как можно судить по его мемуарам, она была ему опорой в тяжкие дни крушения надежд. Всегда могла если и не понять, то все-таки простить. И до последнего часа была человеком, которому он мог сказать, как Байрон:

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья.

Сюзанна отправилась с мужем и в последнее, роковое для него плавание, на Мадагаскар. Но, когда «Интрепид» сразу попал в бурю, пришлось вернуться в Балтимор — Сюзанна снова ждала ребенка. Потом, когда до Европы и Америки донеслись слухи о смерти Бенёвского, обратилась к Франклину — была с ним хорошо знакома, ее дочери называли Франклина дядей. И когда страшное для нее известие подтвердилось, вернулась с дочерьми на родину. Прожила еще сорок лет, до декабристского, 1825 года.

О следах Бенёвского на Мадагаскаре известный географ Элизе Реклю писал: «Вице-королевство, основанное в 1774 году на берегах бухты Антонжиль пышным польским и мадьярским магнатом Маврикием Беньовским, пришлось покинуть два года спустя, и от бывшей его столицы, Луисбурга, не осталось никакого следа; едва лишь можно распознать ту дорогу, которую этот искатель приключений, превратившийся в... «императора»

мальгашей, провел на северо-запад от Антонжилльской бухты по направлению к городу Нгуси» [о. Нгуси]¹¹¹.

Фидлер обошел и внимательно осмотрел на Мадагаскаре все места, связанные с именем Бенёвского. Залив Антонжиль, гору, на которой стоял построенный Бенёвским форт Августа и где жил Бенёвский. «Ныне, понятно, там непроходимый лес, а на склонах — мальгашские плантации гвоздики, — это все. Ничто не напоминает Бенёвского. Как-то я пригласил учителя Рамасо на чай... Историю Бенёвского он изучил в школе по французским учебникам. Других историй — местных — он не знает. Гора Бенёвского хранит молчание. Во всем этом есть какая-то нелепая, тревожная загадка. Нынешние мальгаши совершенно не помнят истории Бенёвского, не знают ни легенд, ни былин о нем. Я пытался разузнать о нем в Мароанцетре — ничего; расспрашивал здесь, в Амбинанитело, — никаких следов».

Местный учитель Рамасо [Рамасу] объяснил это Фидлеру традициями племени. «...Бецимизараки [бецимисараки] знают точно, что делал даже самый отдаленный предок, зато они совсем равнодушны к делам чужих. Бенёвский не создал мальгашской семьи, здесь у него нет наследников по крови, поэтому можно предполагать, что память о нем предана забвению. Нет потомков, которые обязаны были бы напоминать о его деятельности»¹¹².

И все-таки о Бенёвском на Мадагаскаре помнят. В столице да и в других городах есть улицы Бенёвского. Статья о нем обязательно присутствует даже в краткой энциклопедии¹¹³.

На Мадагаскаре, как и в других африканских странах, изучение своей истории, в сущности, началось лишь не так давно. Может быть, больше прояснится судьба и деятельность Бенёвского и его спутников? По крупицам выплывало, казалось, уже забытое прошлое.

111 *Реклю Элизе*. Земля и люди. Всеобщая география. — Т. XIV: Океан и океанские земли. Мадагаскар, Маскаренские острова, Инсулинд, Филиппинские острова, Меланезия, Австралия и Полинезия. — СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1895. — С. 68.

112 *Фидлер А.* Горячее селение Амбинанитело... — С. 40–42.

113 *Benyowski // Rajemisa-Raolison R.* Dictionnaire historique et géographique de Madagascar. — Fianarantsoa: Ambozontany, 1966. — P. 94.

На юбилейной сессии Малагасийской Академии (в 1977 году ей исполнилось 75 лет), обсуждался доклад, где речь шла о Бенёвском. Его автор, малагасийский историк Г. Рацивалака, рассказал о Николасе Мейере. Мейер жил на Мадагаскаре 26 лет, был хорошо знаком с Бенёвским и помогал ему устанавливать связи с местными жителями. А потом был гидом того отряда французов, в стычке с которым погиб Бенёвский.

Рацивалака считает, что Бенёвский в своих мемуарах «просто-напросто приписал себе результаты походов Мейера. Когда стали известны описания мейеровских экспедиций, обнаружилось, что барон Бенёвский искусно, очень находчиво использовал два первых путешествия Мейера... Одаренный писатель, барон употребил немногие сведения, собранные Мейером, для прославления самого себя»¹¹⁴.

Так и появляются новые сведения. Одни говорят в пользу Бенёвского, другие — против него.

Или вот выяснилось, что один из первых европейски образованных малагасийцев появился еще во времена Бенёвского. В 1792 г. он вернулся из Европы на Мадагаскар и стал первым малагасийским католическим священником¹¹⁵ (широкое распространение на острове католицизм получил лишь через 70 лет). Это, вероятно, был тот семинарист, религиозные стихи которого слышал Гёте в Риме в 1787 г. на католической конгрегации. Там в присутствии трех кардиналов и многочисленной избранной публики новообращенные в католическую веру семинаристы после ученого диспута читали стихи на своих родных языках. В большинстве это была молодежь из восточных стран, в том числе один «мальгаш», писал Гёте в «Путешествии по Италии». Этот образованный малагасиец — а вдруг он имел отношение к просветительской деятельности католика Бенёвского?

Но память о Бенёвском надо искать, конечно, не только и даже не столько на Мадагаскаре. Былью и небылицами, фактами и легендами о нем полна литература многих европейских стран. Их можно найти и в американских, и в японских книгах. Разумеется, и в русских.

114 *Ratsivalaka G.* Éléments de biographie de Nicolas Mayeur... — P. 9.

115 *Woulkoff W.* Un seminariste malgache à Rome en 1787 // *Bulletin de Madagascar.* — № 311. — Avril 1972. — P. 409–410.